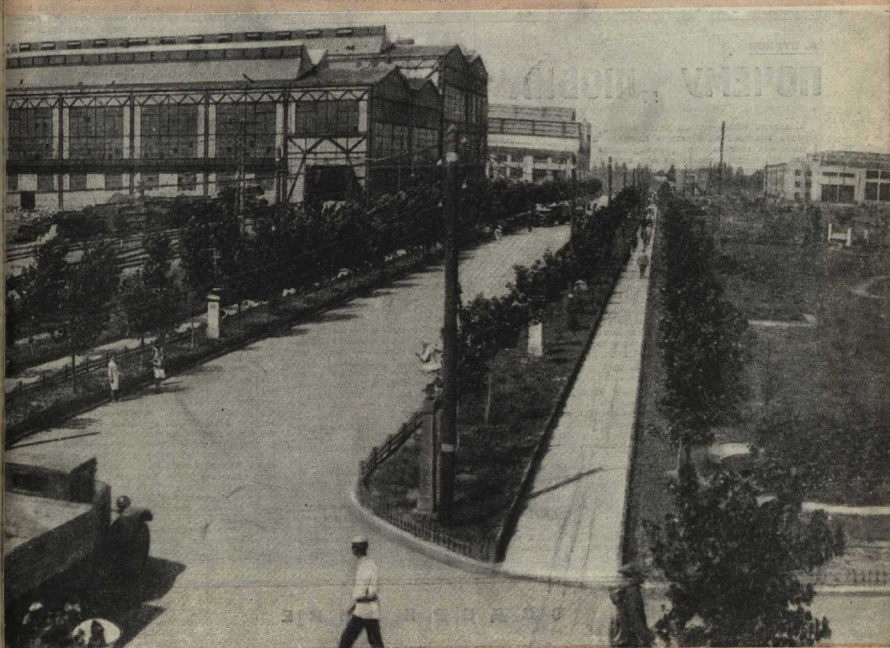


СМЕНА №10

ОКТАБРЬ
1934

ОРГАН ЦК и МК ВЛКСМ
Изд-во ЦК ВКП /б/, "ПРАВДА"



*Просторные аллеи прелесят меж
лохуля цехов нового машиностро-
ительного завода им. Сталина
в Краматорске*



Молодежь нашей страны хочет петь... На снимке: после работы в парке культуры и отдыха Ташкентского текстилькомбината.

А. СУРОВО

ПОЧЕМУ „ЛЮБКА“ В ПОЧЕТЕ

Молодежь нашей страны хочет петь. Двигается шумной колонной на Красную площадь в день 1 Мая, она поет хором революционные песни. Таких песен еще немало, но они есть. В первые годы большого собрания также поют хором (пола или импровизационные) советские песни.

И только в быту, дома, развлекаясь на вечеринке, гуляя с любимым или любимой, молодежь не находит новых лирических мелодий, новых лирических слов. Тогда затягивают или старую, хорошую, но уже ставшую архаичным бытовым песню, или «блатную» «Любку», или какой-нибудь фок-стротто-танговый мотивчик.

Вот типичные случаи. Выходил день. Больше. На зеленой лужайке расплодился на отдых молодежь. Хочется петь. «Шамала» смеется так «Цыганочка». Везде за «Цыганочкой» мандалина выводит перья, нарочито замедленные так «Варья». Постепенно «Варья» переходит в бешеный галоп. Бегут мандалина на ходу обрывает мотив и мелодию, злобно со злыми молодыми голосами, начинает выводить:

«Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя семья набежала...»

«Проводы» также незаметно, неловко смещает прощальная «Дальностоповые партизанские».

Потом поют «Серая шапка» и с присказками, с прибацками — «Душо». А подполз поднимается какой-нибудь парен и говорит:

— А любка дай, ребята, что-нибудь такое... как го... подушечку, что ли?
И серебряный тенор запеваем, не оглядя вторго приглашения, затягивает:

«Мех крутых берегов
Волга-речка течет,
А по ней по волнам
Легко лодка ламвет...»

Второй слышит. Оглянув выходящей лод. На свирельная компания не за городом, а на квартире

бригады. Бригаде выдали премию. Ребята решили устроить вечеринку.

И вот ребята хотят сыграть что-нибудь «лирическое». И сам бригадой неярким, ламодящимся баритоном затягивает «Любку».

Когда кончат песню, кто-то на угаз сказав раздумчиво:

— Паскулая песня, а что-то в ней такое есть... чорт ее знает...

Старая народная песня советает правду, самобытную мелодию с ясными и эмоционально-зарядными словами. Этим объясняется ее постоянный успех. Теперь возьмите наиболее живучие «жесткие» романсы, и вы увидите, что в них при оедрено простотой и запоминающейся мелодии слова всегда незатре. В старой песне и романс всегда есть определенный сюжет. Та же «Любка» или «какая-нибудь другая «блатная» песня не только лирична (образность и измещенная девушка), но и сюжетна, в данном случае по-бульварному (быть или небыть). На «игроле», т. е. на ужасных убийствах, строятся все песни из репертуара уличных певцов. Другое задание их — цескать перды острым сюжетом. Сюжетны и одновременно лиричны и чудные колоде песни небажного порядка («Славное море, священный Байкал», «Ермак», «Вальс-качунчик», «Чурчик» и множество других).

Мы же, пытаясь создать новую песню, очень часто игнорируем и сюжетность, и лиризм, и прототип.

Работники Музгиза больше всего злодуют о том, чтобы втиснуть в песню все проблемы текущего политического момента. И песни прираждаются в антитекустивное собрание насих зарифмованных лозунгов на самые различные темы.

Для того чтобы вытеснить блатную «игралу», нужно создать яркое сюжетное советские песни. Большая гражданская война дала материал, а в те годы был более захватывающий чем все «Чурьяны». Работа зарубежных комсомольцев-подпольщиков, полная опасностей и героизма, рождает изумительные сюжеты, которые буквально просятся в песню.

Производительная героика людей патетки, классовая борьба на селе, новый быт колхозника, рост активности женщин — все это благодарнейший материал для содержательной бытовой песни.

Для того чтобы лирическая песня пошла, надо чтобы она отвечала настроением народа. А настроение в разное время бывает разное.

Один человек в силу обстоятельств склал некоторые время погрузить и, естественно, погрузится в грустную песню. Другой, наоборот, вполне радостен: он прямо и светло смотрит в глаза товарищу. Ему ближе солнечная, звонкая, заводная песня. Оттегов человеческого настроения много. И так же много оттегов должна иметь лирическая бытовая песня.

После демонстрации фильма «Встречный» по стране распространилась песня «Вставай, мой кудрявый». Подхватили ее миллионами, но через два-три месяца интерес к этой песне начал свадать.

И пытался раскрыть причины столь скорого изменения и пришел к выводу, что это результат внутренней неузакан между лирическим заданием песни и ее словесным оформлением.

Лирический рисунок мелодии разрушает жесткими словами риторик:

«Вставай, мой кудрявый,
В цехах звена,
Страна идет со лавою

Напарочку дня».

Это же настроение, выраженное в иной форме, значительно дольше удержало бы песню в бытовом обиходе молодежи. Но у нас бьются власть в аполитизм и спуг «цеха», «станки», «страну» куда надо и не надо. Не понимают амы, что дело не в названии, а в настроении, создаваемом песней. Надо хорошо понять новые чувства строителя социализма, надо умно выразить эти чувства без производственно-газетной номенклатуры. Тогда песня будет и содержательной и живой, человеческой. Передача чувства молодого парня (комсомольца, ударника) и столь же молодой девушки (комсомольца, ударника), необязательно делать лирическую песню похожей на договор о сорбировании.

Некоторые наши поэты, чувствуя, что надо как-то перестраиваться, чтобы отвечать запросам молодежи на лирну, пытаются идти по линии наименьшего сопротивления. Пытаются создать что-то вроде «Красной Вертигоны» или «Красной Любки».

Если мы не создадим подлинной лирической песни, в быту и в доме будет процветать всякая антихудожественная архаика и старье. Очень просто взять и наизусть на какой-нибудь очелодной конкуре какой-нибудь очередной «текст». Гораздо труднее изучить особенности бытовой песни, ее загар, ее сильные и слабые стороны, научиться пользоваться молодежью и на базе всего этого писать хорошее знание нашей действительности на четкую новую бытовую лирическую и сюжетную песню.

Я сочувствую выполненной задаче этой заметки, если наши советские поэты, прочтя ее, более смело и решительно будут пытаться создавать бытовую песню в чуждом рабочем, читателем Славян, словами откликания и предложениями помогать в этом трудном деле композиторов и поэтов.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы и очерки	
А. Суров. — Почему «Любка» в почете.	2
Л. Варшавский. — Георгий Рязанский.	3
Лев Касальский. — Свидетель земной ои.	4
Ем. Семенов. — Повести большого джизана.	6
К. Родзинский. — Начальник Эльбруса.	8
М. Панаев. — Водит молодого человека.	10
С. Фин. — Город больших просторов.	12

Ю. Нейман. — Художники Франции XIX века.	14
Семен Курлянов. — «Снег»	17
Ем. Кригер. — О точной волнине дня.	18
Емг. Ланг. — Английский язык.	19
Р. Стрел. — Как и научила летать.	22
СТИХИ	
А. Олсендер. — Призыв.	17

ВЫВОДА КОНСУЛЬТАЦИЯ	
«Ты или вы?»	21

РИСУНКИ

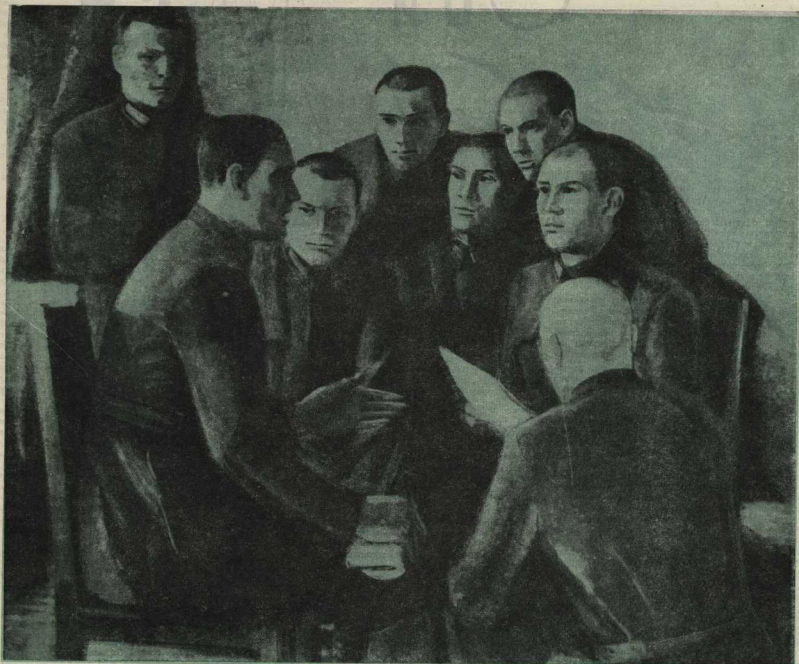
В. Врискина, Е. Прокуровский, В. Копылова, А. Малеваева и Кепя.
--

ФОТО

Л. Гурвич, В. Семеновского, Е. Лембер.
--

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Адрес: Москва, Центр, Малый Черкасский пер., д. 3/4.
Тел. 2-89-28



„ПОЛИТБЕСЕДА“

КАРТИНА ХУД. Г. РЯЖСКОГО

Л. ВАРШАВСКИЙ

Георгий РЯЖСКИЙ

В истории советского портрета Рязжскому будет, несомненно, отведено почетное место как провинциальному мастеру социального типажа.

Среди советских мастеров едва ли много найдется мастеров, которые так упорно и настойчиво работают над образом, как Рязжский. Большим композиционным успехом художник уделяет мало внимания. И даже его сложные, большие жаровые произведения, как «Колхозница-бригадир» или «Бойтбеседа», являются, по существу, групповым портретом. Но сопоставьте скучные по композиции и сложные по своей психологической пронаивности, острой характеристике «многочисленные» портреты Рязжского с большими бытовыми полотнами других мастеров — и вы увидите, что преимущество окажется на стороне портретиста Рязжского. Достаточно взглянуть уже в самую «портретную тематику» Рязжского, чтобы понять те цели и задачи, какие ставит перед собой художник.

Задача эта — показать образ нового человека и в особенности новой советской женщины, принимающей активное участие в советском строительстве. Вот перечень знаменитых портретов, созданных художником за последние годы: «Рябковина», «Печатица», «Физкультурница», «Делегатка», «Вузовка», «Председательница» (1925—1928 гг.); «Чувашка-учительница», «Нарцисса», «Амелида» (1932—1933 гг.). Каждый из этих портретов показывает внутренний мир человека со всеми его переживаниями и устремлениями. В портретах Рязжского отсутствуют те равнодушные, академические, формально-стилистические приемы, которые фиксируют поверхность, с холодком фотографуют оклада, лишь внешний облик человека.

Было бы совершенно односторонне судить о Рязжском как о художнике, целью которого является дать лишь яркий образ без заботы о цвете. Мастер реалистической живописи Рязжский много работает над формой, цветом, «живописным языком», художественным выражением.

У Рязжского своя форма, свой стиль, которые отличают его от других мастеров. Это — грубость, шероховатость мазков, которыми художник не столько пишет, сколько «мелит» портрет, выявляя обшную выразительность в каждой мускуле, в каждой черте лица. «Скульптурность» живописной форм при внутреннем идеальном содержании образа придает ту законченность и цельность портретам художника, которые ставят Рязжского в первые ряды советских живописцев.

Смеющиеся земной



Шурна Хворост, подвыпили из беспризорников, был поодозрительно молоч...

Низку утверждает, что война несколько сдвинула азимут осяз. Архимед искал точку опоры, чтобы перевернуть мир. Сиракузский математик не нашел опоры, и его убали солятати одной из бесчисленных войн. Через два тысячия лет война трещала землю. Это была чудоточная сила отдачи многолетней канонады. Она отключила ось вращения земли на какуето-то малую градусу. Планета была выведена из своей азимутной юности.

Тоголаки, что и погода изменилась вследствие войны, что камаит на земле ухудшился. Впрочем, здесь еще много неслого. Но уж бесспорно то, что жизнь на земле неизвратно сошла со своей старой точки. Ее сместья страшные толчки отдачи и грандиозные последующие потрясения.

Семен Семенов хорошо испытал все это на себе. И Архимед с земной осязью был непременно употреблен во вступлении к бесконечным фронтовым рассказам, которыми он занимал товарищеской по аквеляции в данные артистические ночи. Люди любят рассказывать о фронте и о школе. Стоит лишь встретиться двум боевым товарищам-одноположенным или одноклассникам, как тотчас пойдут воспоминания. Уже заблестел лишний, глян и ниш, страх, зурбегка и едипици, и кажется, что все удавалось, что все сходило с рук, и вот приходишь уже перебивая друг друга, — а поминишь, вониниш, как... — вспоминают боевую свою молодость. Семен Семенов рассказывал не так. Он был наичтай, речист, в душе скептик и настроен философски. Он терпеть не мог войны, хотя и гражданскую отличался, но считал войну бедствием значительно меньшим чем любовь. О женюбавии штурмана мого осридал на корабле.

На этот счет каждая вахта имела свою гипотезу. Но в общем никто толком не знал, за что подворага гоением любовь Семен Семенов, знала толамо, что истинная кориня его уходила в далекое прошлое, и нарасно тцнилась проинкнуть в тайну штурмана.

Не задумываясь над этим обстоятельством в жизни штурмана лишь Шурна Хворост, двадцатичетырехлетней подвыпили из беспризорников, худощавый, черный, гибкий и хвасткий как ирковой бич. Он был поодозрительно молод, и Семен Семенов полагаа, что в документах Шурин второй года предза сдетка подваражена. В свое время Шурна был подобран гас-то на Украине старшим руководителем взрывных работ экспедиции. Он работал на Днепростоле, доброй знаменитую славу Сатабейдичей. Он работал там на самых опасных участках, просматривая отчаянной оловои, получая все отяжици ударника и в Архангельске, явившись на корабль, упрорела добродушного Семена Семенова как-нибудь устроить его в экспедицию. Как-как это удалось устроить, хотя документ его был не в порядке. Но подвыпинок он оказался широким. Он облачался затертым пароходу чуть в чистой воде. Он бурна шпурна круша и проваа хромашую ледовую прорубу Полярного моря, и отбегал лишь в последние мгновенья, когда все уже равнало вокруг него и черт... Он бланко подваражена с Семеном Семеновым, мечтаа о славе вславу и втискомую и бланкиа, выматываемым случаем военных рассказов Семена Семенова. Команда, зная слабость

и нему Семена Семенова, не раз поддежала к Шурне, чтоб он изведла у штурмана его тайну, но Шурна возмущенно отгарага эти притязания.

А все-таки раз угворивши штурмана. После долгих приставаний и просьб, уступая напору еднородного любюбствата, он обещал рассказать, с каких пор он начал себе чувство неоприращенной переборки». Шли молчаливые часы дрейфа. И корабль был тих, только в середине его постукивало динамо и в ритме отдаленному стуку плавсарова два светлашки. Каюткомпания была пуста.

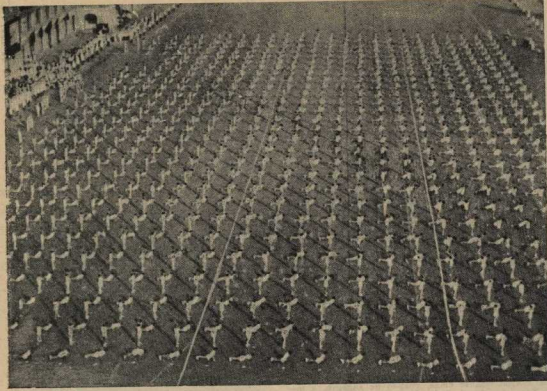
— Семен Семенов, ты же обещал, — приставляла к нему.

— Ну-у, про любовь... Лучше про войну, — недоловоо протнуга Шурна. И все сдерзливо азынашиа на него как на человека, который едва не спугнул бабочку под завесенным уже сачком...

— Это будет и про войну, — серьезно сказала Семен Семенов, — вы знаете, не раз я уже повествовал вам, что война сделала то, что лишь силосо Архимеду: она изменила ось вращения земли. Ничего не подваражена. Отдава. Я в это время жил на даче, в деревне Поддасеия, Хваланского уезда. Местность эта прервосходна. Меловые горы — белме как Эльбур. Слева — дна, справа — сосна, посредине сада, сада, сада... жококи, груша, вишня, малина. Жизнь там было там — милая. А кругом живут старовры, пердьяки, неподделку — замечательный монастырек в ущелье. Черемшань называлась. И в меловых горах — всекие пещерники, святые отцы-стлгальники, давнишная ми к ним за орехами. Говет ми там не читали, так, иногда приедет кто-нибудь из города, расскажет новости. И вот раз, ночью, прослышало от страшного толчка. Что такое? Закартрасение что ли? Слышу слово: сон набат гремит над деревней. Под снымаи плаа. А около меня стоит мой приятель-студент (и тоже тогда был еще студентом), трясет мою провать и кричит: «Вставай, Семен. Выйди...» — «Какая к черту война?» — «А вот какая... мобилизация!»

— Вы мне знаете, ввиду чувствования отдачи и котрасения. Не было в России такого дома, такой

семьи, где бы не дрожали стены и сердца. Но в деревне это было что-то страшное. Это было громадное, сосредоточенное, ничто на склудку ничем не рассеяное горе. Поинно, какая-то дачница недалекий через два шла по улице и зашла. Вышла мой хомаин, стугайи старовры, Еписк Тарасич и, говорит: «Там что же такое, барышня? Всекому вараху такая беда, а у тебя песня...» Я даже не вымердела и вскоре беда, у а тебя песня...» Я даже не вымердела на лето деваться, — опитя пошла в Поддасеию. Там уже были первые класки. И сам моего дозавания Ферфия вернулся alone, оставив на позиции руку. Его куатшка уже завила. Острота гора немного сгладилась, но деревня была тосклива. И вот по вечерам на завалинках, в восхорские дни на баре, на деревенских подтолкуху молел слух о новой святой, появившейся в горах, недалеко от Черемшань. Передавали всекие чудеса. Она жила на горе Крутица, в меловой выщине, и туда началось формирование ламоничества. Она раздала ламдини и всекие там акуматы и написание на картонке прердоранительные молитвы войнот. Я даже сейчас помню. На картонке прижато печатной ласток, и там значится: «Молитва золотого, индущего в бой. Господи боже, спасителю мой! Ис-полнения святыю заповедь твою и уповаю на те, без-помяну яки полагать на брань живот мой за веру, дара и отечество и за единопораху братьей моих. Сподоби ми непостыдно совершить подвиг сей во славу твою. Жизнь моя и смерть во твоей власти: буде воля твоя. Аминь». Раздавала она



Инфизкультовцы в день физкультурного парада на Красной площади.

ЕВГ. СИМОНОВ

Фот. И. БОХОНОВА

ПОИСКИ БОЛЬШОГО ДЫХАНИЯ

ОРДЕНОНОСНЫЙ ИНФИЗКУЛЬТ

Три года назад стояла крутая зима. Арктика, этот колючий ледяной зверь, щедро сыпала на сбежавшую Москву свои цыклоны с пургой и снежком. В проливный январский день в ворота дома № 20, по Горьковской улице вошел маленький черной человек в шинели командира Красной армии. Он плавно отогнулся, с заметным интересом открыл заколоченную фанерой дверь и вошел в здание. Кажись, что зимний ветер — ураганом этого двора. Он лез в разбитые окна и гулял по коридорам, на паркете ребята могли бы летить пирожки на грязь...

Человек в шинели заметно хмурился и осматривалась с недоумением. Затем он резко распахнул

дверь, быстро шагнул в зал и как ужаснейший отдернул ногу: там, куда он намеревался поставить стул, не было пола, вместо него как ребра сидела торчали гнилые балки и зияла пуста проломленного паркета. В одном из зал, а именно в простом светлом зале благородного двора, пришел еще раз нахмурился и удивленно протер глазки. Но нет, он не ошибся, он видел вещи знакомые, как они и были: на расклеванных пыльных матах марно похрамывал птук юнчи самого разнохарактерного, но объединенного общим низким состоянием вида. Если бы в буфетнике пришедшего не ахало назначение тов. Фрумина Семена Минного института физкультур, если бы не была указана и адрес институту: Горьковская, 20 — человек в шинели решил бы, что он заблудился.

Но этого было не могло. Садоватемлю, заблудившись не он, Фрумин, а заблуждался весь институт, неприглядно представший перед обозначенными глазами нового директора...

... Фрумин шел послушать занятия по биологии (может быть, безобразия только в биату?), но профессор разводит руками: — Веря у студентов была выпивка, ну, и молдесея, решил отходнуть: сегодня обе группы объявил себя выходящими.

Фрумин, удивленный, шел в учебную часть, но там ему говорили, что программы еще обрабатываются и пока (это в середине зимы) твердого

расписания нет. Пораженный директор сбежалла дивительным парадом по коридорам двора, этим бесконечным каменным аллеям, и чувствовал себя то ли историком, научником на яву Запорожскую сеть, то ли коммунистом, попавшим в какое-то суровое обществом издательств.

По вечерам к нему приходили уборщицы и жаловались, что в аудиториях паут пылинки и никак не наубираешься, а преподаватель фехтования, держа седой ус, спрашивал, на каком основании кто, старого чистого спортсмена, охаживает в коридорах: «Эй, шапкины, подмахины зачетей!» — Хватит! — сказала директор, оставшийся в кабинете и за отсутствием солидарных с ним людей беседовавший сам с собой. — Сего числа устанавливается порядок буди и...

Он пошел представиться общему собранию, и первая фраза: «Я много видал безобразий, но такие вижу в первый раз — потому что в гуде самых редких. Отвечать новому директору являлся один из жокасов инстингитутской бражки. Он вскоробался на сцену, исторично скрутил козью ножку и со всей высоты своия 180 см поглядел на маинского спойного Фрумина.

— Как он нам нравится? — гаркнула, сплевывая, жокал. — Какой варяг нашелся, прыбл на свасать. Это вам не удастся, гражданин Фрумин. Можете записать на память в своей библиотке, что мы здесь не как вышедшая два руководства и к вам мы относимся с поменьшим недобрым.

Но жокал, петухом поглядывавший на несомнительного директора, все-таки не представляла себе, как этот внешне скандый Фрумин поочередно в обе стороны его, салава: как директор, третий по счету, окажется первым по качеству, и с него в судности и начнется настоящий Инфизкульт, оправдывающийся название Института культуры, который того, что она замечательна, отнюдь не перестает быть подлинной культурой. Жокал, знавший, может быть, наубок тактику французской борьбы, не заметил, что новый директор возмужал, что он хладоской силой, против которой бессильны в конце концов все триценсы и контрпараты прославленных чемпионов Лурика и Подубаюбо.

Забегая вперед, сообщим, что после безнадельного сопротивления возмужавший салава притивная физическая, сколько моральная, привела к тому, что Инфизкульт помолодел и одновременно возмужал. Он сбрызг глянцу четину и с студентами и с двора, а в комнатах обещиваниям делом с цветами и Георгией физкультурившей, теперь прекрасно уживалось спортивное стихия Лихована и ралута красок Багритицкого. А ведь два года назад Фрумин мог измалывать, что он «брыболо», «фальсификатор», превращающий Институт за прекрасного худа мускулов и силм в лехитно-балетную школу, а дисциплинарный батальон, а казарму...

Сотню лет назад, в дни Николая Павловича, некая царская особа, обходя строй ильсяно вимутворный холост, с прискорбием изволюма замечить: «Всем хороним подданных только имать». В наши дни мы могли видеть строй инфизкультовцев на физкультурном параде. Они шаш, юнчи и девушки, и солдце сверяло бражким на белом шоло мшаки: они шаш устрими, свободным шагом в дежте шагали только свободные люди большого дыхания.

В зимней бассейне два года назад являлся слыть нормы ГТО I ступени аспирант по физкультуре А. и физкультурный врач Е. Оба они окончили Инфизкульт. Оба лично вырвали старт, гораздо меньше лико пломбы, а пройдя 80 м, стали дружно толнуть, и завскагдавая бассейны пришлось слыать заисполучных плавоцов. Тройкой были многие вступившие старого Инфизкульту. Вуз — жак зам, но сирավедно говорим спортсмены, — готиния дождликов и генералов от физкультур. Являлись только перейти с курса на курс, не учия плавать, не разбирались в влитовке, а из легкой атлетики зная только прыжки с ралбета на трамвай. Учатие в спортивный соревнованиях считалось пять лет назад худшим пороком.

— Соревнования — это рекордизация, рекордизация — это отрма от масс, отрма от масс — это воитреволюция, — внушали тогда студенту физкультурного фарисей, ругоидующий вузом. Наша физкультура должна быть нормальной. Пусть лучше тысяча человек прыгнет на пометра чем десять на полтора.

И выходяло, конечно, так, что не прыгало не только десять, но до дворови явус спорту прыгала и у тысячи. Вуз превращался в молвадно. Спортсмены, приходившие в институт, быстро убежали оттуда, пока в этой обитан ханей они еще не разучивались бегать.

Фрумин на высе своей директорской деятельности наткнулся еще на один факт. По утрам у институтского обещивания всегда дежурило несколько тавсия, а в списках личного состава он обнаруживал десятков студентов, которые отродясь не бывали на



С. С. Наменев и директор Инфизкульту С. М. Фрумин на спартакиаде инсостав РНКА.

завитках. Дополнительные наблюдения показали, что если большинство питомцев Института было абстрактными творческими, то эти смелые души оттачивались отменным практицизмом. Это были лихие инструктора физкультуры, которые с утра до ночи на взмыленном такси гаровали по клубам, рынкам, площадям, коллективам, грабящая свой дайвинг рубль и давая хлаторные, но многочисленные уроки. Таков был этот неслышай и безобразный нуа, таковы были и его горе-питомцы...

...18 июля этого года над Тушинским аэродромом шла обычное занятие: люди прыгали с небом, рискуя, как показывают бесстрашная статистика, меньше чем прыгать с трамвая. Один самолет забрался на 1300 м, и вот с его крмы скатывался черная точка, мелькнувшая на голубом небе. Точка взошла в парашютизм, но потом кое-что изумительно раскрасил газлай: парашют сдуло ветром, и обесформившийся человек стремительно помычался к земле. Главдлинне не успев ее решить, трюк это или катастрофа—гибель, как над головой пролетевшего 600 м человека вспыхнула полосу второго раскрывающегося парашюта, Пета Сторожено стукнулся о землю, отцепился от аммок и доложил, что двойной прыжок, впервые проделанный в Союзе, провела превосходно. Перед нами был гимнаст и борец Сторожено, студент и старшина инженерной группы Инфикульта, совершивший свой тридцатый прыжок.

Маленькая Нина Камнева, комсомолка из Тулы, впервые прыгнувшая зимой этого года, к лету уже стала мировой рекордсменкой по затеям прыжкам—самому храброму виду этого отважного спорта. Пета и Нина—однолюди не те рекордсмены-однолюди, от которых так шаркались старые, неколхозные инфикультовцы. Сегодняшний институт по праву первым вступает на Красную площадь, отрывая парад физкультурников как Академии советского спорта и обильный раскраски новых мастеров в рекордсменов.

В женской шеренге идет красавица Борисова: она целиком выросла в Институте, здесь она равняла свое искусство метателя и стала рекордсменкой мира и Союза. Зимой в Свердловске провела первые блиски своего стиля и завала. Мастером ринга и чемпионом борьбы тоже стала и шагнула Катитин. Боксеры Арутюнов и Постнов, борцы Капалун и Каваский, прыгун Антушев—все эти чемпионы Союза—студенты Института. Уже на летних дорожках и полях этого года Институт вплотную догонял такой высокого качества коллектив, как «Динамо», с его лжедядей старых, опытных мастеров. Институтская команда бегунов, сломань составленная из молодежи, выросла на третьем месте в труднейшем забеге 10 X 1000. Воскресным и исповенный в институтских стенах, борсер

Постнов ушел с ринга победителем Буалычова и Бруза.

В летне последнего МЮД на пятках Красной площади свернула спиры немощи, и 50 девушек прошли, финишируя пробег Ленинград—Москва. Пятдесят студентов прошли на советских вело маршрутах и вехали на площадях позадной колониальной, легкой и протекции, как будто на их плащанице бы было 750 км пути и вся команда шла всего лишь из Петровского парка или Сокольников. В один из дней этого пробег, после 80-километрового этапа, велоколониальная прибыла в Новгород, и, казалось бы, законное желание: спать, спать, промочить ноги, массаж и спать, спать... Но встречать колонию собралось 7000 друзей и «большаки»! Они терпеливо выжидали на местном стадионе, и, возмущенные темными приемами, студенты дружно решили: «Отдых не уберечь, надо и нам сладить ответ». Они стремительно сменили дорожные костюмы и на спортивном поле тихого Новгорода проехали джуржур хором спроектированные тел тот спортивный гимна, который мы видели на Красной площади.



Инфикульт помещается в просторном светлом дворце.

Да, человек в командирской шинели (теперь уже седина припухла его беспокойную голову) сумел вытратить этих ребят из болота. В сентябре закончилась очередные летние лагеря Института. И вот в эти лагеря командиры соседних частей приходили в плаваньи институтских рот, домысливая: «Откуда вы берете так?» И когда комроты Попов разъяли, что «берем мы самых обычных, но с ними работаем и делаем вот такие-то командирские удачи, про себя думая, что эти инфикультовцы засеренили свою тайну отбора человеческого комплекса...

...Ночь. Темнота упирается в глаза, и только за кулаком тучная кинет кость рыбака на том берегу Сенска. Дружок, так, как и во всем, похрамывал студента, не полозевая, что сейчас ромполак примет сестулодом и кинет джуржурю: «Третью! Соси опрокинут, в палатках начинается параджесная, но предельно безомовная возня. И вот осли vanno больше ушамь лагеря. Студенты нажимают со всех сил: ведь Институт стоит на левом фланге, а до места построения надо выместить несколько километров хорошей сенсовской галмьи. И именно на всех тревогах первыми выстраиваются в боевой готовности роты Инфикульта. Не даром все они поголовно носят рядом со значком ГТО отгачие «архоролосского студента».

В лагерях студенты сдали экзамен на аттестат, не столько физической, сколько моральной зрелости. На стрельбище комсомолец Чита, не сдвигавший пулеметную закладку, запылавал: «Не за себя, — сказал он удивленным товарищам, — а за то, что подложу отдаленно».

Худший стрелок роты Капалун увидел, что его портретом обвонан витрина сверяных стрелков, и с того часа предан и стрельбище и концу лагерей его фотокарточка уже висела в шеренге лучших

вороншладцев, и вхолая в столовую, подлинник портрета любимо отглаживая доску, от которой он так давно отвертывался не без досады.

И даже в горячке алжорских будней инфикультовцы ухитрились участвовать в принах на слайд писателей, а ротный полк—Малков Вадим,—зардевшись, демомаршова стихи «Голубая майка», посвященные засеренившей артомии студентке N-ной:

«Сталось раскраску ровные просторы.
Черная дорожка повсем лежит.
На дорожке этой бетовые споры,—
Споры спорта могут крепко поадрожить.

Сорвался со старта лонжувшей пружинной.
Убегай, дорожка, убегай навзд.
Голубая майка мот неударимо,
И кинет спортивный, арестный ааарт».

Орденосный Институт идет теперь обновленной поступью. Курс идет на спортеменов из молодежи. В туше щелов и колхозов они есть, эти, еще сырые, спортивные таланты, надо их набить и воспитать, вариация и передавая советскому спорту новых и новых мастеров. И на наших газетках он встает, этот мастер, который прежде всего—носите культуру.

— Мы хотим, чтобы из нас сделали не только физкультурников,—говорила образцовый «отличник» Швыренко, бывший бредский близарный воронша,—но и культуртрейфских людей.

И тело здесь муагмурируется не в ущерб интеллекту. Когда куаукстер объявляет о льютых талантах на «Отепния», — в проброме является матч южно-американской борьбы. Не редкость увидеть теперь всевозможные прыжки, так же бубничего неправые немецкие гаптомат; да и боксеры, эти, казалось бы, люди кулера, прекрасно знают, что, кроме Буалычова, комсомола, есть и другой — Буалычев Егор. Сейчас в Институте начинаются уроки мюзаня и тенниса,—пусть тело спортсмена растет ритмичным и эвонным как песня...

...Войдите в коридор Института. Вы содрогнетесь от блеска и галмчи паркета, от той чистоты и опрятности, которая стала одеждой нового Инфикульта. Мы знаем множество вузов: МММИ дает классных машиностроителей, а Тимирязевка — неплохих агрономов. Но нет еще ни одного трагического вуза, который бы сохранил свой инстинкт, индивидуальность и особенности воспитания. А эта черта уже проступает у Инфикульта. Не только широкими плечами и прекрасной походкой будет выделяться его питомец: весь его облик, все поведение, весь склад скажут: идет инфикультовец.

Идеальный буржуазный чемпион — это стругот человека, блестяще выходящая светина. Но наши мастера спорта очень скоро будут на голову выше иностранных рекордсменов, на ту голову, которая почти атрофирована у героя европейских рингов и футбольных полей.



Инфикульт—обильный раскрасник новых советских мастеров и рекордсменов.

НАЧАЛЬНИК ЭЛЬБРУСА

Весна этого года принесла засуху. Урожай Кабарды погибал. Засуха творила свое дело.

Бетла Каамиков—секретарь кабардино-балкарского обкома—первым сказал: «Большинство победит и это предрешено».

И со всей Кабарды стелился по лаву его, в Наальчик старик-колхозник—те, чьи ноги едва двигаются от тяжести долгого жизненного пути, и те, чьи борюды начали только убеждать седой.

Бетла им сказал: «Можем ли мы одетать урожай засухе? Старик, мы завоевали победу и не отдадим ее никому».

И наутро вся страна была мобилизована. Не было поля, бачки, оторода, где бы не гудела сива водава, орошая искусственным дождем гниющие погни. Не было колхозника, не вышедшего в эти дни на поля.

Велики и широки поля Кабарды, трудно насчитать их, но поля партии не знает преград.

Спасенные от засухи поля Кабарды вновь зазеленели.

А через пятинаву радист Эльбурской метеорологической станции Саша Горбачев выстукала депешу в пятигорское бюро погоды: «Завтра надо ждать обычных осадков. Близок фронт (фронт у метеорологов означает дождь)».

Зимовка на Эльбрусе имеет огромное научное значение. Чем выше за-

бирается метеоролог, тем ренее собранные им наблюдения. Там, например, он собирает тончайшие данные, сведения об осадках, облачности, силе и направлении ветра, его изменениях и каплях.

Систематизация этих сведений поможет нашим синоптикам предлагать условия пути на завтра самолетам, предсказывать в будущем засуху или чрезмерное обилие осадков.

Потому-то комсомольская зимовка на Эльбурсе, одна из самых «высоких» в мире, истрат такую высокую роль.

Силы, затрещенные молниями, смелыми хозяевами Эльбурса, аннушрими в труднейших условиях там, за облаками, в гвезде бурянов и вихрей,— эти силы дают колоссальный коэффициент полезного действия.

Зимой эльбурсе на Крузоора, на высоте 3200 м. Но Виктор Корузи не боится одиночества. Он берет с собой учебники, книги, готовится в путь. Он делает большое дело: внимательно изучает законы «дымяна земля», движение ветра, осадки, облачность. Он сообщает регулярно свои наблюдения в арвешей центр, там определяют погоду, наступление весны, осени—все, что дает стране урожай.

Летом, в июле, Эльбурс оживает. Сотни туристов пытаются штурмовать высокую гору снегогодо. Огромное большинство из них одолевает не более 3—4 км: дальше их не

пускают горная болельнь, усталость, сердцебиение.

В прошлом году, не глядя на все трудности, его «эляки» сразу 38 командиров РККА.

В этом году этот омпт повторили уже 279 командиров.

Посмотрите с Крузоора на фирновые склоны Эльбурса в солнечней летней день. Выбьются металы. Они бегут вокруг вершина, пропадая в селла-вынах.

А зимой сила ветра достигает 70 м в секунду. Это буря, небольшая хале для мощного караба. Человеку уже несет верную смерть.

Несмотря на то что зимовка вает за собой тяжесть одиночества, холод, лишения, Виктор даа согласие зимовать второй раз на Эльбурсе, уже на высоте 4250 м.

«Начальник Эльбурса»—прозвали его в шутку.

В конце августа началось приготвление к зимовке.

Рабочие, пришедшие строить станцию, три дня почти не могли работать: привыкли к разреженному воздуху.

В сентябре был втроеден домик 8½ x 6½, из 9 комнат, с радиорубкой. Он рассчитан на силу ветра в 70 м в секунду.

Много мастеров пришлось претерпеть со снабжением: с доставкой топлива и продуктов.

Кроме Виктора зимовал еще двое: радист Саша Горбачев и наблюдатель А. Гусев.

Жизнь зимовщика сурова и трудна.

Мучительное долгое одиночество, холод.

Природа шутит с человеком, предподносит неожиданные сюрпризы.

Однажды все ушло вина за продуктами. Вернулись в обнаружил, что дверь зимовки не открывается. Зимовка оказалась доверху набитой снегом.

Отморозженные уши, руки, ноги—не редкость.

Ведь работать приходится в самой пасти дымящего студей Эльбурса. Ветром часто гонят унести маленький домик зимовки вместе со смеельчаким метеорологам.

Хвлянка дрожит от холодных влохов Эльбурса, ветер сбивает с ног, ледяные иголки виваются в кожу, разреженный воздух застревает в горле.

Вот как сам Корузи описывает свой рабочий, будничней день.

21 февраля.

Барометр быстро падает. Ветер усиливается. Коридорчик замело снегом. Чтобы дослест до часу ночи, времени наблюдений, я завернул свою куртку. Зажел две лампы. В печ-

ке не горели дрова. Вая в спальней мешок. В таком положении я занимался физией и писал, согретья руки над лампой.

22 февраля.

К часу ночи бурян достиг такой силы, что дрожала вся хвлянка. Я попробовал выйти, но на расстоянии одного метра ничего не было видно. Боюсь заблудиться и замерзнуть, я разбудил Горбачева, и мы, сваявшись верхоями, пошли к метеорологическому будкам.

На наше счастье мы попали в относительное затмение, и мне удалось снять наблюдение. Ветер доходил до 50 м в секунду. В комнате было 20° мороза, а снаружи—27°.

Отогривая руки у лампы, легли спать. Проснулся я в девять часов. От страшных ударов бури хвлянка содрогалась, на стенах покачивались картины. Вся затоптанность была заласана снегом.

В каюте Горбачева горела примус, над ним сидел Гусев с опухшими надбровьем (отморозил) и весь Арена отогревала ноги и оттирала отморозенные концы пальцев на руках. Это—после снятия наблюдений. В комнате 27°.

Коридорик, кладовая и мастерская забиты снегом. Осталось место от холода все часы, кроме тех, которые я держал на груди. Барометр продолжал падать. Давление вместо 736,0 мм достигло 710,5 мм.

Оживил котельничкомню от снега, и пытался разжечь печку, но все попытки сделать это не привели ни к чему. Трубу унесло, и весь дым забил в комнату. Тогда я каюте Горбачева зажег свои лампы и примус. Греться около них, мы просидели весь день.

В час дня температура на воздухе была—29,3°, в 7 часов вечера—31°, в 9 часов—33°.

Ветер=40 м в секунду.

Пола хвляки к будкам, на дворе образовалась ледяная корка, приключившая мучительную боль.

Дом перекосялся по ветру, двери не закрывались. Барограф делал непонятные скачки.

Наблюдения снимали с опасностью для жизни.

Это были будни зимовки.

В эти будни конспектировалась физика и химия. Под вой ветра одолевались странник «Капитала».

Виктору принадлежит слава победителя Капитала-тан, труднейшей ча той Капитала, и восхождения на вершину Эльбурса.

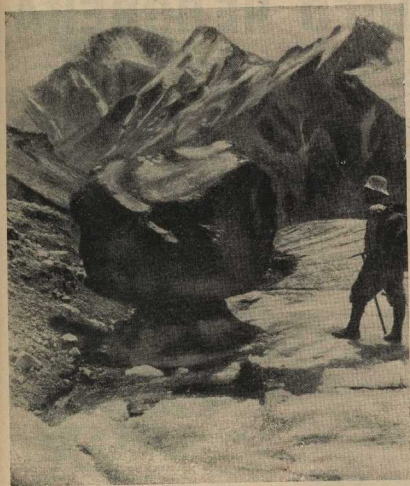
У него в каюте хранится грамота горной секции ОПЗ, поздравляющая тов. Корузи с благополучным подъемом на вершину Эльбурса зимой, такой подъем им совершенно впервые в мире.

«Нет таких крепостей, которые бы не могли быть взяты большевиками».



Итак достают зимующим на вершине горы радиоаппаратуру и припасы...

НА СУРОВЫХ СКЛОНАХ ЭЛЬБРУСА



Огромная каменная глыба упала на ледник.



Звучит стех на фирновых полях.



Спуск с горы требует особой осторожности.



Альпинисты завода им. Орджоникидзе в лагере, у подножья Эльбруса.

БЮДЖЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

1. «Страна молодежи»

В Москве, на одной из бесчисленных Садовых улиц, есть завод Анигастра. Несколько недель назад на воротах завода появилось объявление, написанное чернилами на газетном листе: «Нувыи слесари, токари, молотобоец, электромонтеры, сварщики».

Объявление долго висело на воротах, успев поинтересовать и сбиться от дождей. Недавно оно исчезло, повидимому, рабочие нашлись. Но на следующий день это объявление опять появилось на воротах завода. Текст его был написан уже тушью на большом белом листе бумаги. Лист застеклялся и оклеивался деревянной рамкой.

Так и висит он там до сих пор, являясь простым и бесхитрым свидетельством величайших успехов нашей страны.

У нас короткая память на прошлое, а молодежь, вырастающая в новых, советских условиях, и совсем не знает его. И даже 1923—1925 года, когда существовали особые брони подростков, — то приходилось драться за каждое место для молодежи на производстве — выжигать ими джеканы и отсылать программ. По данным ЦНХУ, количество рабочей молодежи в нашей ценовой промышленности увеличилось за 4 года почти в 4 раза.

В отдельных отраслях нашей промышленности процент молодежи на производстве поднимается значительно выше: швейная — 39,7, автотракторостроение — 46, торфяная — 46,2.

Неизменный, от года к году, рост численности советского пролетариата идет в основном за счет молодежи, приходящей в цеха новых заводов:

Отрасли промышленности	% молодежи в составе рабочих, занятых на производстве	
	В 1931 г.	В 1932—1933 г.
Нефтяная	45,5	49,7
Черная металлургия	58,4	57,1
Цементно-керамическая	57,8	59,8
Электротехническая	63,4	66,6
Автотракторостроение	65,5	68,3
Хлопчатобумажная	72,3	69,9

Вспомнив германский закон о ситини с производства всех рабочих, не достигших 25-летнего возраста, мы с особой силой почувствуем всю огромную социальную значимость этой цифровой характеристики положения рабочей молодежи в широкой стране.

Потому молодежи, устремляющейся в новые открытые двери производства, вызывают своеобразный процесс «омоложения» состава нашего пролетариата. Вот несколько характеристик для этого процесса показателей: средний возраст рабочего в хлопчатобумажной промышленности — 33 года, в бумажной — 31,3 года, в черной металлургии — 28,9 года, в электротехнической — 27,8

года, в сельхозмашиностроении — 27,7 года, в автотракторостроении — 25,7 года.

В таких важнейших производствах, как автостроение и сельхозмашиностроение, молодежь играет решающую роль. Не даром инструкция, побуждающая на таких заводах, так часто называют СССР страной молодежи.

2. Место молодежи на производстве

Мы остановились только на двух важнейших отраслях промышленности.

Автотракторная промышленность. Максимальный процент молодежи здесь имеется: среди слесарей-механиков — 30,4, вальцовщиков — 31,3, слесарей-сборщиков, инструментальщиков, механиков — 54—55, электрощитов — 62,7. Около 50% насчитывается молодежи и среди токарей, фрезеровщиков, сверловщиков, и т. д. Меньше всего юношеской — 21,4%, вальцовщиков — 22,8% и слесарей — 24,8%.

Черная металлургия. Среди ведущих профессий количество молодежи здесь сравнительно невелико: мартищенков — 15%, газовщиков — 18%, вальцовщиков-крючечников — 16,9% и т. д. Наиболее высокий процент молодежи в подсобных цехах: слесарей 37,9, электромонтеров — 40,2, фрезеровщиков — 45,5 и токарей — 47,5.

В автотракторной промышленности молодежь завоевала себе прочное место на всех основных квалифицированных работах. В черной металлургии же производство молодежи на такие ведущие профессии, как слесарев, вальцовщик, горновой и т. д., еще недостаточно. Однако работа молодежных бригад на домах Кузнецца, Магнитки, на мартах (сварка и молоты), в Азовстали показала, что и здесь наша молодежь может занять почетное место.

3. Бюджет рабочей молодежи

Мы приводим здесь результаты нашего обследования бюджета пятидесяти молодых рабочих, работающих в цехах станкооборки и механического московского завода «Красный протарей». Этим рабочим молодежи на такое ведущее профессии, как слесарев, вальцовщик, горновой и т. д., еще недостаточно. Однако работа молодежных бригад на домах Кузнецца, Магнитки, на мартах (сварка и молоты), в Азовстали показала, что и здесь наша молодежь может занять почетное место.

Из 50 человек, обследованных нами, 40% имеют месячный заработок от 140 до 160 руб. (в среднем 150), 34% — от 175 до 185 руб. (в среднем 180), 26% — от 200 до 250 руб. (в среднем 225).

Однако в понятие реальной заработной платы молодого рабочего на этом заводе помимо названного нами заработка нужно включать еще ряд элементов скрытой заработной платы.

За 1934 г. молодежь этого завода (1173 чел.) получала 197 путевок в дома отдыха и курорты и 798 путевок в однодневный дом отдыха. Молодежь выезжала на загородные гулянья в Барыбино, Куванино, Моношино, Башево. Молодежь была на экскурсиях в музей ЦДКА, Музей революции, Музей изящных искусств, Архитектуры, Дворец техники, в Претворской галерее и на выставке «Наша достижения». Молодежь посетила коллективные просмотры спектаклей и видела «Олеан Дионис» в театре Симеонова, «Чудесный славя» в ТРАМ, «Лизин зовет» в МСДС, «1825 год» во 2-м МХАТ, «Миланов» Алтисера в Новом театре, кинофильм «Челюскин» и т. д.

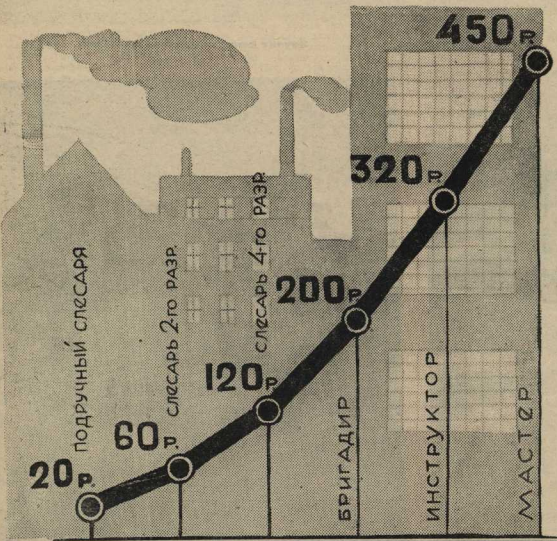
Расходы на все это несли заводские организации, освободив молодых рабочих от покупки билетов.

В ударной столовой завода вывешено меню на 10 сентября:

1. Борщ украинский — 36 коп.
2. Мясо тушеное — 95 »
3. Кофе с молоком — 24 »
4. Прожирное — 41 »

Итого 1 р. 96 коп.

Дата	Количество рабочей молодежи в возрасте до 23 лет в каждом часу рабочих	
	В часах	В % к общему числу рабочих
Январь 1929 г.	565,5	24,5
Январь 1931 г.	1394,7	32,8
Июль 1933 г.	1909,8	39,2



Так возрастала квалификация и заработок мастера Лубяно. Сейчас ему 27 лет.

Внизу под общим итогом стоимости обеда надписано: «Доплата 46 коп.» Это значит, что 1 р. 50 к. из этой суммы оплачивает заводоуправление и только 46 коп. — рабочий. Таким образом каж-

дий столующийся в этой столовой имеет значительное увеличение реального заработка.

Ударная столовая может произвести ограниченное количество блюд (500 чаш.), но и в общей столовой стоимость обеда из двух мясных блюд колеблется от 80 коп. до 1 р. 20 к., составляя в среднем 1 рубль. Все системы общественного питания, организованного на заводе, получают обед за такую сумму рабочей не сможет, и здесь, несомненно, так же есть элементы увеличения реальной заработной платы.

Значительно ниже это происходит в системе диетического питания, введенного на заводе. Завтрак и обед в двустоловой стоят 2 р. 75 к., но здесь имеется определенная шкала скидок—от 20 до 75%, в зависимости от заработка рабочего. В частности такой максимальной скидкой пользуются несколько учеников ФЗУ, направляемые заводской амбулаторией в диетстоловую.

Но, помимо системы общественного питания, введенного на заводе, молодой рабочий получает различные продукты: мясо, крупы, сахар, солонки, масло, картофель, чай. Все это он получает по твердым ценам.

Ударник дополнительно получает около килограмма до двух килограммов рыбы, пива, сладостей, макарон, овощей, до трех килограммов фруктов. Этими продуктами снабжает их ОРС, и стоимость их намного ниже рыночной цены. Молодой рабочий имеет возможность приобрести на этих продуктах одежду и бытовые заготовки и ужины.

Говоря о реальной заработной плате, надо вспомнить и о клубе, где бывают театральные постановки, ставятся кинофильмы, работают кружки с платными руководителями, и о заводской общеобразовательной школе со штатом педагогов и о многом другом.

Как молодежи расходуется свой заработок?

Слесарь Четина О. П. Заработок—150 руб. Расходы: квартира—10 руб., питание—45 руб., трамвай—19 руб., одежда и обувь—40 руб. Итого 114 руб.

Отчисления на культбюджет, взносы в профсоюз, подоходный налог не превышают 7—10%. На культурные нужды у Четниной остается около 16% заработка.

Фрезеровщик Панферов Ф. Ф. Заработок—180 руб. Расходы: квартира—19 руб., обед—27 руб., трамвай—6 руб., одежда—14 руб., отчисления—

18 руб. Если на оставшейся сумме вычитать 40 руб. на питание уделить в среднем до остатков у Панферова составит около 30% заработка.

Слесарь Соколов П. В. Заработок—220 руб. Расходы: квартира—40 руб., питание—60 руб., трамвай—15 руб., отчисления—22 руб. Итого—127 руб. На культурные нужды и одежду остается 40%.

Иногда попадают и курьезы бюджета: так например один из ребят обедает 3 раза в день: 1 раз дома и 2 раза на производстве—и в конце концов оказывается с буфетом, с едой, в буквально смысле слова, весь свой заработок. А одна из девушек тратит в месяц 140 руб. на одежду и обувь, получая 250 руб. Но это же говорит только о неумении рационально построить свой бюджет.

Для сравнения приводим бюджет молодого рабочего в 1923—1926 гг. Говарь 4-го разряда Савинов зарабатывал тогда 90—95 руб. Из них он тратил в день: 50 коп. на обед, 35 коп. на завтрак и 75 коп. на ужин. В месяц это составляло 48 руб. Квартира ему стоила 13 руб., трамвай 4 р. 80 к. (два копейки в день по 8 коп.). Вычетов было около 5 руб. в месяц. На одежду и обувь он не мог тратить больше 15 руб. в месяц. После этого у него оставалось

покрытия всех этих расходов 5—10% заработка.

Мы отыскали несколько человек, работавших в этом заводе в 1923—1926 гг. В то время они получали по 3-му и 4-му разрядам. Сейчас Романов—инструктор экспериментального цеха, Корольев—механик 2-го механического, Голымов—мастер станкооборочного, Николаев—мастер инструментального цеха, Кухарев—помощник производственного отдела.

Эти пути роста можно проследить и на значительно меньшем отрезке времени.

Любков К. П.—токарь-революционер 3-го разряда. В 1930 г. был учеником, получал 50 руб. в месяц. В 1931 г. его получает 1-й разряд, и заработок увеличивается до 10—80 руб. В 1932 г.—2-й разряд. Заработок—120—130 руб. В 1933—1934 г. у него 3-й разряд, а заработок уже 185 руб. За это время он прошел учебу в производственном комбинате и переходит на 2-й курс фабрика. Возраст—21 год.

Щеголов В. Г.—строгольщик 4-го разряда, в 1930 г. он был учеником, получал 50 руб., через несколько месяцев—1-й разряд—80—90 руб. В 1932 г.—3-й разряд—180 руб. В 1934 г.—4-й разряд, заработок 225 руб. За последние полгода он купил пальто, ботинки, 2 рубашки и велосипед. Возраст—22 года.



Количество рабочих на заводе за 4½ года возросло почти в четыре раза.

Сейчас Любков 26—27 лет. В 1926 г. он работал подучником у слесаря и зарабатывал 22 руб. в месяц. Через год 2-й разряд и 50—60 руб. В 1928 г. уже 4-й разряд и 120 руб. В 1929 г. Любков—бригадир, зарабатывает 200 руб. в 1931—1932 гг.—инструктор, получает до 320 руб. С конца 1933 г. Любков—мастер, оклад—450 руб. в месяц, не считая премиальных.

Старший мастер станкооборочного цеха тов. Кириллин рассказывал молодым рабочим о своем пути на производстве:

«Вскоре после 1905 г. привезли меня из деревни и определили мальчиком на завод Вейкомы в Москве. Получал я 20 коп. в день. Работал 9—10 часов. Чертежи выносили, за вольно бегали... Протокались я здесь 2 года, завод закрыли, и остался я без квалификации. Ходил, ходил, поступил потом учеником слесаря. Получал тут 30 коп. за 10 часов. Учение тогда было долгое. Ходили, приглядывались, niente не учил. Каждый знания при себе держал. Если что-нибудь очень потребовалось, старшего уговаривали. В обед, хлеб, яблоко, вот и все мое. Такого обета, как сейчас фабрики едят, тогда и квалифицированный слесарь не ел. А прибывали нам по пятнику и субботу да и воскресенье. Мне было легче чем другим: отец 3 рубля на квартиру давал, а сам тоже как рабочий работал, чтобы матери помочь в деревне. Все-таки в 1913 г. я уже в настоящие слесари вышел. Да так, может, слесарем и учер бы, да после революции пошел в горы. В 1929 г. я долгие до помощи мастера и с 1933 г. стал мастером.

У меня сын семилетку кончил, сестра в ФЗУ пошла. Так ему уже подает и то и се и костюм обязательно. А у меня равных не то что костюма—рубашки только две и было всего имущества. Баян стоил пятак, а лишний рад сколотить—задуматься!»

Книжка заработка нашего молодого рабочего не отделяется от общей стремительной линии роста нашей страны. Советский мастер Любков с 1926 г. прошел длинный производственный путь, от подучника слесаря до мастера, и заработок его поднялся от 22 до 450 руб. Кириллин до революции понадобились долгие годы, чтобы стать обыкновенным слесарем. Дальше его продвижение на производстве останавливалось, и лишь революция помогла ему двигаться дальше.

Пути технического совершенствования и увеличения заработка открыты перед нашей молодежью. Социалистическая система нашего производства поможет молодым нашей страны успешно пройти сложный путь от фабрика до инженера.



январь 1929 г., январь 1931 г., июль 1934 г.

Тем возрастал процент молодежи в общем числе рабочих Советского союза.

ГОРОД БОЛЬШИХ П



На легкой колоннаде возникает стремлящаяся вверх башня Дома книги.



Вдоль Москва-реки встанет многоэтажный грандиозный Дворец техники. На снимке: один из проектов.

Город больших просторов, площадей, красиво освещенных улиц, красивых жилищ, обращенных лицом к свету и солнцу, где можно жить, трудиться, наслаждаться всеми благами культуры.

Столица Союза—Москва—в скором времени станет новой столицей Советского Союза. В Москве строили веками. Строили дико и нелепо, без учета санитарных требований. Город, в котором до революции хозяйство велось по принципу «пропалал ни малейшей заботы о благоустройстве», обслуживавший сотни тысяч жителей.

Сейчас социалистическая Москва перестраивается, как никогда упорно счищается короста средневековья. Москва будет озеленена, появятся новые парки и скверы, появятся новые районы, поселки им. 1905 г. и т. д.), ибо вытеснена церковь (Арбатская, Сухаревская и т. д.), ибо город обогатится новыми предприятиями, обслуживающими трудящихся.

Сейчас—за буднями горячей работы по генеральному плану пятилетнего завтра, облик того многолюдного, предельно благоустроенного города, где строится социализм.

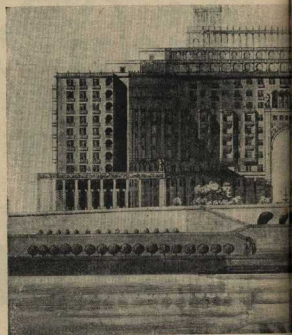
Вот Москва сороковых годов двадцатого века... Ими будут декоративно оформлены зеленые, фонтанно-парковые районы, будут разбиты новые парки и скверы, появятся новые районы, поселки им. 1905 г. и т. д. Это будут прекрасные, шириной до 120 метров, проспекты, бульвары, улицы, идущие по типу крупного города, где 22% территории займет жилые районы и т. д.

Пятимиллионный город оденет в гранит свои набережные, появятся новые проспекты с террасовидными бульварами, бульварными зонами, зелеными дворами.

Дворец советов, величественнейшее техническое здание, театры, парки, стадионы, проектируемые сейчас лучшие парки, скверы, бульвары, красивые города мира.

Москва завтра откроет новую страницу в мировой истории, она будет совершенствовать ту величественность и монументальность, которыми славится древнее искусство зодчества.

На наших снимках—штрихи нового облика столицы. На снимке: один из проектов. Колоннада возникает стремлящаяся вверх башня Дома книги. На снимке: один из проектов. Вдоль Москва-реки встанет многоэтажный грандиозный Дворец техники. На снимке: один из проектов. Бюро Росткинской набережной.



Бюро Росткинской набережной.

ПРОСТОРОВ

ных зеленую широких проспектов, удобных, просторных, в котором миллионам людей легко и радостно

и из прекраснейших городов земного шара.

дела систему горбатых переулков, бессмысленных промышленных туз, помещики и лавочкинки, но в меру городской чистоте, о бытовых удобствах

на улицах, на площадях, у набережных, видно, что шире, просторнее, красивее, ибо снесены жалкие лачуги и на перекрестках выросли новые площади, в которых очагов социально-бытового и культурного

строения столицы—мы видим контуры ее ослепительно нового города, который возможен только в

важные, величественные или эпос площади. Все это — центральная часть. От центра к периферии потоки движения. Вдоль Горького, Ордынки, Новобрату, Новомисленицкой улицы, оформленные каждый по единому архитектурному плану кварталы будут определять собой новый ритм — парки, бульвары, клубы, стадионы, если

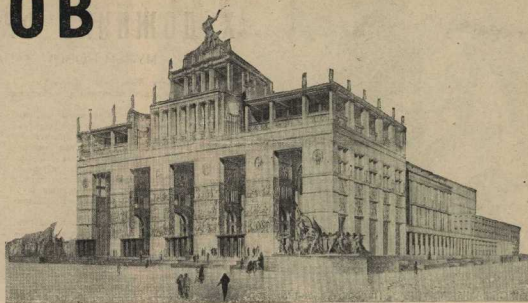
и и вдоль вновь возникших благоустроенных улиц, скульптурными группами воздвигнет много-

створение, метрополитен, новые общественные здания, новые ансамбли архитектуры, выдвинут столицу в ряд

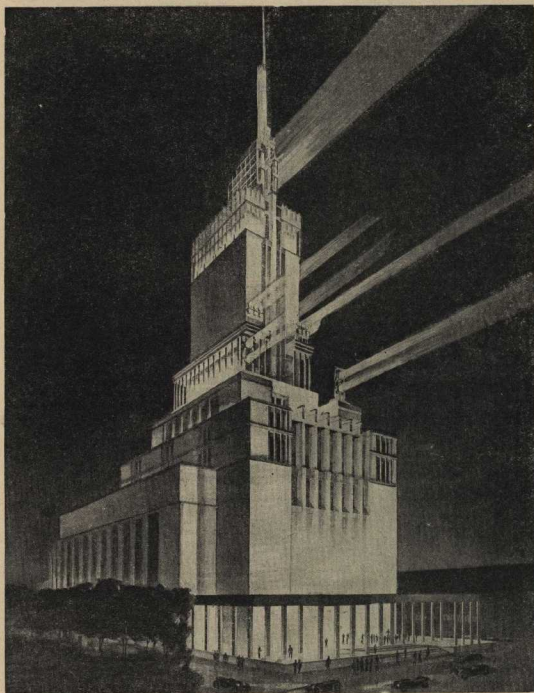
архитектуры, ибо только мы в состоянии продолжить то, что было заложено в искусстве античного

набережной, по гранитным ступеням которой поднимается Дворец техники (Фрунзенский район). На легкой платформе Шлиссельбургского здания строится на Миусской площади украшают проектируемый театр МОСПС. Перспектива открывает снимок, изображающий проект

С. ФИН



Новое здание театра МОСПС будет украшено барельефами и скульптурными группами



На Миусской площади вырастает величественный Радиодворец—одно из крупнейших зданий столицы.



Дом Народа ВЦИК РСФСР.

ХУДЖИКИ ФРАНЦИИ XIX ВЕКА

МУЗЕЙ НОВОЙ ЗАПАДНОЙ ЖИВОПИСИ



ПОЛЬ СЕЗАНН (1839-1906) — Пьеро и Арлекин.



ПАБЛО ПИКАССО (р. 1881) — Старый еврей с мальчиком.



МЕРИ КЕССЕТ (1845—1926) — Материнские заботы.

В 1887 г. на берегу Женевского озера умер в пуганин художник-реалист, коммунар и безбашенный Гюстав Курба.

Курба писал скромную природу своей родины, вписывая за работой и женщиной, чьи мощные тела не умещались в канонах классической красоты.

Как-то Салон¹ посетил французская императрица, супруга «маленького» Наполеона III. Выслушав похвально-искусственные объяснения, что перерожденный рабочий лошади, ее величество ткнула тростью в гигантскую спину «Кульандины» Курбы: «А это что? Тоже першеронка?» «Кульандина» убралась.

О Курбе пели в одном из парижских театров: «Я вырываю красоту как сорную траву».

Автор куластов был до известной степени прав. Каждая его картина Курба вносила непоправимый удар условной красоте, принятой в официальном Салоне. Красивою могильницей на прогрессивней картине Курба «Иохорон» приводила в ужас любителей «прекрасного» из среды аристократии. Это была победа реализма.

Тогда же, на выставке, среди стонущих и кричущих недоуменно раздался сплывший голос молодого художника: «Перехресто. Картина эта лучше всего до нас написанного. Но, между нами, это еще не совсем то. Она слишком черная».

Художника звали Эдуард Ману. В то время ему было 20 лет.

Курба умер забытый. Парижане не вспоминали о нем. Они осваивали духоту. Новую школу в словесную назвали «импрессионистами» — «впечатленицами», если переводить дословно. Главой импрессионистов считали Ману.

Франция второй половины XIX в., Франция Наполеона III — страна крепнущего капитализма. Выразителем настроения молодой буржуазии в живописи был восторженный реализм художников Курба, Коро и Милла. Течение это, утверждавшее современнейший мир со всей дерзостью молодости, шло на смену архаичному феодальному искусству, предметом которого были древние герои и боги, причисленные в «сакральное» время.

Импрессионисты — второй поколение художников буржуазной Франции. Импрессионизм в искусстве мы называем течением, пытающемся передать окружающее не в его установившихся, законченных формах, а в легком, подвижном и мгновенном захвате впечатлений. Французские художники-импрессионисты, мечтавшие изобразить природу во всем ее живом трепете, пытались продолжить и углубить дело их учителей — реалистов. Это не удалось.

Импрессионистам помешал принцип, лежащий в основе буржуазной культуры, сама природа импрессионизма.

Постоянные спутники растущей буржуазной культуры — духовная разобщенность лучших ее представителей, резко выраженный индивидуализм, субъективизм.

Дети своего времени и класса, импрессионисты были крайними индивидуалистами. Потона за мейн-стримными изменениями природы постепенно выродилась в погоно за субъективнейшими впечатлениями. Печатавшие действительности законная действительность. Общественный мир в произведении импрессионистов растворялся, расплывался.

Импрессионизм — кумуляционный пункт буржуазного искусства, грёбень, на котором волны перемалываются и падают вниз, увлекаемая собственной тяжестью. Это вершина и в то же время начало падения.

Надо помнить, что элементы упадка в раннем импрессионизме мало заметны. Этой вращающейся чуждою, постепенно лишь выходящая в черную пустоту, являющееся «ничто», куда рушится «давание», «пуризм» и прочие откровения угоднического течения буржуазного искусства XIX в.

На заре своего движения импрессионисты полны сил и энтузиазмом. Об этом свидетельствуют свежесть красок и дробление солнечных пятен. Главнейшими представителями этой «солнечной поры» импрессионизма мы считаем Ману, Реуара и Дегу.

В сущности Ману примкнул к импрессионистам позже, когда школа уже сложилась и некоторые пункты программы были выполнены.

Сейчас рассматривая в Музее новой западной живописи репродукцию знаменитой картины Ману «Завтрак на траве», трудно понять, что ужасного

и предосудительного находили в группе одетых мужчин и одной женщины, в этом живописном сочетании белого платья с темными, разрезанным с почти классическими складками.

Ману дилетанто изучал старых мастеров, и следы этого научения чувствуются в его художественной манере. Он прибегал нередко к черной краске, отвергаясь другим импрессионистам.

Полнейшим представителем импрессионизма был Клод Моне.

Молодые художники встречались в кафе Гербуа. Сюда же приходили посетители: Флобер, Гонимур, Зола. Сюда выработывались тезисы и манифесты новой школы, привязанные к точной передаче действительности.

Это была великая крепнущая буржуазия, стремившаяся постигнуть мир и овладеть им. Зола провозгласил: «Мы работаем вместе со всем великим великим делом завоевания природы». Стремись по ночам науке, Зола писал документальные романы. Клод Моне и Писсаро писали документальные картины.

Они продолжали дело Курба, Милла и Коро, так называемой барбизонской школы, пытавшиеся перенести природу на полотно. Барбизонцы делали всяким с изатур, не истинно, не истинно, на смену традиции, закладывали картину в мастерской. Импрессионисты Моне, Сислей и Писсаро не мыслили работу в закрытом помещении.

Барбизонцы, в частности Курба, с нетерпением отвергали исторические сюжеты, излюбленные художниками Салона. Импрессионисты отказались от всякого сюжета, который можно было бы рассказать, от всякой «литературности». Картина должна говорить языком красок.

Импрессионисты писали пейзажи и портреты, но подлинным героем их картины был свет.

Выбравшись из полуоткрытой мастерской к солнцу и небу художники узнали власть. Они сместили на цветы и деревья, не думая о том, как их вырисовали бы старые мастера. Они заметили, что окраска предметов меняется в течение дня. Они подарили свету светлые тени и светлые тени. В зависимости от освещения меняется не только цвет деталей, но и отношение между цветами, т. е. контуры, формы всего предмета. Иными словами, меняется картина. Дерево днем имеет цвет лесного. Иные деревья художник, верный природе, изображает не дерево вообще, но определенное дерево в такой-то день и такое-то время дня.

Моне выходя на вздох с 20 полинами. Он мнил, что искусство. Он писал селуаз, город, села, волн. Он сделал 17 этюдов Руанского собора. Два этюда, висащие рядом в Музее новой западной живописи, показывают, как отяжел вечерней селуаз от утреннего.

Принцип серьезности импрессионисты заимствовали у японцев. Японская художница Хокусай нарисовала 100 видов горы Фуи.

В своей теории цветов импрессионисты опирались на открытия в области оптики. Ученые Гельмгольц и Шерерль доказали, что настоящего и неизменного цвета в природе нет: цвет как звук — результат вибрации эфирных волн.

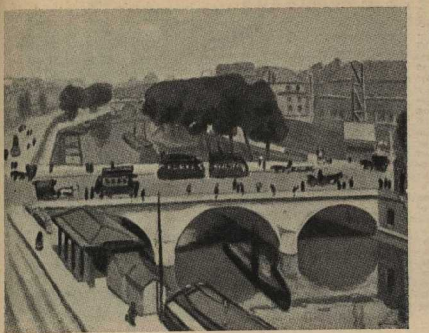
Импрессионисты впервые стали писать колорит, т. е. среду, сквозь которую проходит солнечные лучи. Насыщенный солнцем воздух ощущается в «Уголке сада» и в «Сирени» Клода Моне. «Арлекинские сирени» позволяют почувствовать шумное собрание мастера французского искусства, ценном вошедшем в Музей новой западной искусства.

Импрессионисты писали 7 цветами солнечного спектра, так называемыми чистыми красками, не смешивая их на палитре. Они накладывали на полотно разноцветные мазки, отсыкая дополнительные цвета, такие, которые, появляясь в газном художестве зрителя, давали нужный эффект. Писавшие мазки импрессионисты — чистые импрессионисты, но пунталантисты, — довели эту манеру буквально «до точки». Они стали писать разноцветными точками (точка по-французски — point), прощупывая мазками единую выходящую точку.

Вблизи пейзажи Моне кажутся разноцветной мазией. Это не понимал посетитель Салона, привязанный «аориновать» картину.

Импрессионисты не были тоскующими коллективом. Люди разных темпераментов и различных кругов общества, за пределами искусства они имели мало общего. Служком далеки друг другу были творцы смеющихся женщин Реуара, едва не ставший рабочим Селуазской мануфактуры, и артист

¹ Салон — прославленные ежегодные выставки картин в Париже.



АЛЬФЕР МАРКЭ (р. 1875)—Мост С.-Мишель в Париже.

стократ Дега, человек сума серьезного, заявительного и печального».

Ренуар был уроженцем Лиможа, центра юмалы и фюфюра. «События» и «Портрет артистки Саломеи» дают представление о его подлинно юмалей технике. Поверхность картин Ренуара плотная и шпукла. Он работал как скульптор — шпатель.

Эти смеющиеся живописные вопалы соответствовали настроением известной части буржуазии, уже освоившейся в жизни. Но юмори Салона состояло не из, вернух законам старой эстетики. Аристотеля, ашленная эконолического и политического значения, сохраняла за собой командные высоты художественной критики. Ренуара не допускали в Салон наравне с Мюиз и Дега.

О Дега ходили легенды: он жил в уединении, годами не показывая картин. Прекрасный рисовальщик, он как и Мюиз заимствовала многое у старых мастеров.

Дега занимал проблема искусственного освещения. Основная тема его — театр, балет. Он рисует балерины в утренние, будничные часы, маленьких кордебалетчиц, балетных «крас». Холодный экспериментатор, Дега безжалостно вымечривает их составные плечи и нерасставленные. Газовые картины «На репетиции» и «Балерина у фотографа».

Композиция Дега типично импрессионистическая: на первый взгляд случайная, асимметричная. Картина кажется срезающей. Это как бы небрежно выхваченный клочок жизни. В поле зрения художника попала рука и гриф скрипки — самого скрипача на картине нет, Разумеется, «случайность» эта — плод догадки обдумываний и тщательного художественного отбора.

Молодые художники, не допускаемые в Салон, пытались «выставляться» помимо него, в случайных помещениях.

В 1863 г. картины, отвергнутые юмори, были собраны и выставлены в отдельном зале, названном «Салоном отверженных». Это было началом признания. К импрессионистам прививают их называют хвалить и покупать. Это было началом их конца.

Получив славу и деньги, буржуазный художник боится потерять их. Он перестает искать: его всемирноисторические работы могут не понравиться. Он топчется на месте и переживает самого себя. Так кончи Мюиз, Газова судьба многих художников капиталистического мира.

Французский импрессионизм был естественным завершением реализма, движимого, начатого Курбе. Импрессионисты углублялись в природу и индивидуализировали ее. Их солнечные пейзажи учили любить свет и тепло. В этой части движение импрессионистов было прогрессивным.

Но импрессионизм был завершением буржуазного реализма — в этом его порочность. Допустив мысль о неустойчивости цвета и форм вещей, импрессионисты допустили мысль об относительности существования самих вещей. Цвет дерева зависит от освещения, но может быть, он зависит и от особенности зрения наблюдателя? «Я пишу не дерево, а мое впечатление от дерева», — говорит импрессионист. «Впечатление (impression) восхода солнца», так называлась картина Мюиз, давшая название школе.

Так развивается субъективизм, в конечном счете

ведущий к отрицанию реальности мира.

В поиске за «впечатлением» импрессионисты дематериализовали природу. Под их кистью действительность постепенно превращается в забытый туман, который так тонко умела изображать Мюиз.

На известной стадии развития капитализма часть мелкой буржуазии отворачивается от действительности, ставшей слишком суровой. Эти настроения бессознательно выражаются импрессионистами.

Одновременно с импрессионистами в маленьком городке Эже работала во многом близкий им Поль Сезанн. С утра он писал в мастерской, после пяти уходил «на мотив», т. е. рисовал с натуры. Он не пошел на похороны горячо любимой матери, потому что должен был идти «на мотив».

Картины Сезанна называются «Дорога в Понтуазе», «Дерево в парке», тяжеломерно и точно. Сезанн часами писал один и тот же предмет. В отличие от импрессионистов, он пытался проникнуть в законы построения этого предмета, не довольствуясь передеркой мгновенного впечатления. Он изучал предмет с разных точек зрения, в разное время дня. Он воссоздавал этот предмет.

Группа сезанновского «Наторморта» монументальна, складки салфеток кажутся изваянными. Он лепил вещи. Он овладевал мастерством медленно и трудно. «Я каждый день делаю успехи», — говорил он удовлетворенно. Ему было в то время 60 лет, и исход его боления не оставлял сомнения.

Сезанн много заимствовал из живописной техники импрессионистов. Но в его панораме было свежих двадцать красок, т. е. он писал смешиванными красками.

Сезанн поучал: «Все в природе лепится в форме



АНРИ ДЕРЕН (р. 1880)—Рыбачьи лодки.



АНРИ МАТИСС (р. 1869)—Семейный портрет.



ЭДГАР ДЕГА (1834—1917)—Голубые танцовщицы.

шара, конуса, цилиндра. Если мы научимся владеть этими формами, мы сделаем все, что хотим». Эта формула легла в основу кубизма.

Помимо воли и сознания «экзистенциальный», всеми своим творчеством утверждавший мир, нарастала настроению той части интеллигенции, которая активно включилась в жизнь капиталистической Франции.

Но была другая группа. Растрясшая, мятущаяся, она тщетно пыталась найти себе место в чудом-то мире. Миропроцущение этой группы выразил художник Винсент Ван-Гог.

От Сезанна был спонсирован. Ван-Гог волею и мучит. Она пугает вихрем, живописко этого безумного гомалазда, незадачливого проповедника, бывшего приказчика, взявшегося за кисть уже арельм человека.

«Я не складую никакой системы маэра, — говорил Ван-Гог. — Я просто пытаюсь в молотие неправильными ударами кисти и оставляю их такими, какими они ложатся». Ван-Гог не любил везд, он «атаковал их». «Сегодня я возобновил атаку на кипарисы». «Я опитэ атаковал этого дождя — желтый цвет», — говорил он.

Ван-Гог не писал отдаленных предметов как Сезанн, он стремился передать все природу в целом, ее движение, ритм, ее динамику. Его пейзажи кажутся, деревья растут на глазах, виноградники движутся. Следует завету импрессионистов, он пишет в поле на раскаленном солнце. Он пишет при полном мистралье, пригнанный мистраль к железному стержню. Этот ветер чухается в его картинах.

Ван-Гог любил солнце, красивые листья винограда, полату жизни. Но красивые и оравленные тамми его «Виноградники» мучительны, его «Арлезианские понохи на элевонских воюря, а солдце безумно».

Интеллигент-мечтатель, он заглядывает в буржуазную Францию. «Общество делает наше существование плачевным, — писал он, — отсюда наше безразличие и несоработничество». Он мечтает о холостяцком творчестве, о содружестве художников. Пытается осуществить эту мечту, он выписал к себе, в Арль, своего друга, художника Жюзе, Полятич кончался тем, чем должна была кончиться. Индивидуальность Ван-Гога оказалась неприспособленной к совместной работе: он едва не убил Гогеа.

Поля Гоген прошел все стадии, положенные художнику того времени: неформальное, заглядывающее на западую, уже ненужную славу. Бывокосский чиновник, скромный буржуа, в 40 лет он

бросает насиженное место, жену, детей и отбегает живописи. В 1891 г. Гоге впервые уехал на остров Тинти. Через два года нархажие осмысливал «плоские картины», «грубые как ткань ковра», с малоудовлетворенными фигурами, коричневых диагоналей.

Гоге не зря, походя на первобытный рай, «облагодатную землю» — Нол-Пол. Тинтигики одевались в европейские трапики, белые сирфиансом, вымарирали. Гоге писал «алткоюжую Езу, душу ассов, с габиким и сильным теамом, с ногами, галдиими, как ланис, с волосами, нунигистыми как вода». Он писал свою мечту о Тинти.

Гоге нагадывала краски густо, ярко, закрашивая одним цветом боаальную плоскость. Это были фрески.

«Дайте ему стены! — заказала его артг, поэт Орле. — Перед нами изумительный декоратор. Дайте ему стены!»

Стен Гогеу не дали, хотя несколько лет спустя его статичная, немемогая прная живопись получала признание у хохев этих стен. Гоге неслиа в древней культуре убеждения от того, что для него было непереносимо в цивилизованных странах. Он был подлинным другом маоризцев, обитателей Тинти. За старты против угнетательской администрации приговорила Гогеа к 8 месяцам тюрьмы.

«Признание» Гогеа плагиасмэ вклеточной его картин, принято цветовой их прещесением нерви. Гогеа положил начало умалчению искусством предобитых народов, чегризмю.

Декоративную тенденцию Гогеа продолжил Анри Матисс, глава «слихих», «Дикими» эту группу художников называли как любовь и ярким, яркшим цветом и за аловым нархажием старых канонов. К числу «диких» относятся Ван-Донгел и пейзажист Марк.

Искусство Матисса оторвалось от урартельского. Его живо соотделас для стен. Таковы «Танец» и «Музыка». Сюжет оканчательно вытесняется орнаментом. Матиссу чужды полатуны и вибриция красок. Если угодно, он палкнет. Но его «палкаты» не мобилуются, а усложняются.

Крупнейший художник Запада, кубист Пикассо, продолжил в живописи линию Сезанна с фавитизмом и страстностью, поистине, испанской. Это мрачный и суровый художник.

Пикассо провел домашний творческий путь, и «главы» в качестве натюрмортов» были одним из последних этапов этого пути. Картины его первого «осеннего» периода непохожи на произведения периода «кубистического». «Ейрес с мальчиками» и «Семьями» написаны еще в Испании под влиянием вышивки старых испанских мастеров: Эль-Гресо и Рибейра. Удаленные лица и тела, обильные синеватый колорит углубляют чувство тоски, которым исполнены картины. Он писал друг Пикассо, поэт Сальмон: «Убогие бродяги, матери, поторявшие молоко, стерпы солончальных воронки. Здесь все скорбь и все мольба».

В 1906 г. была «открыта» Сезанн «Формула шара, куба и цилиндра» неслком зазавтила Пикассо.



ПОЛЬ ГОГЕН (1848—1903)—Таитянская пастораль.

Умозрев в предельтах три основных объема, Сезанн сохранял в воображении правдоподобие. Его кубы и цилиндры как бы обросли мясом. Пикассо обижал их. Он «субририровал» мир.

Следующей стадией кубизма было разделение предметов. Разделение по-французски — division. Отсюда «линизация». Стремясь уместить на полате всю вещь в целом, Пикассо раздробляет ее на плоскости. Он стретает на нее сверху, снизу, слева и справа. Он рисует лицо одновременно в профиль и фас.

Подобно Сезанну, Пикассо не желает пассивно подчиниться природе. Но он идет значительно дальше Сезанна. Сезанн стремился постичь законы построения, чтобы делать вещи, подлинные тем, какие встречаются в природе. Пикассо строит пестуствующие вещи. Он прорывает со всяким правдоподобием. Он конструирует свои предметы.

Так сделана «Скрипка» Пикассо, построенная из валментов действительной скрипки.

Активность Пикассо, ослепленная. Капитализм вытеснил искусство. Он сводит функции художника к урартельству. Искусство борется за свое право на жизнь. Художник хочет делать вещи, подлинные, а настоящие.

В 1913—1914 гг. в натюрморты Пикассо появляются стекло, газетя, вещь — реальные материалы. Другие художники идут еще дальше: они конструируют на полате трехмерные вещи.

Характерно признание кубиста Леже: «Я никогда не забуду того, как, будучи обменом обязанности развешивать экспонатом осеннего Салона, я имел несчастливый случай оказаться в соседстве с Салоном авиации. Я перепуганно перебежал и никогда еще не был авиационным стоком редким контрастом. Вместо унылых холстов передо мной были действительно прекрасные вещи — металлические, твердые, четкие и ползевые». «Ползевые». Но вещи, сконструированные художником, были абсолютно бесплаными. Это были «бездулашки», все то же урартельство, декорации, от которых бежали художники-конструктивисты. Они попали в заколдованный круг.

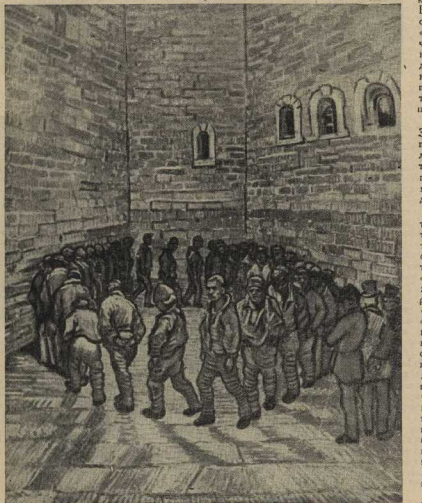
«На протяжении немомогосильных два Мусес перелетели приходило традиции западного искусства. Она отдаленно ощущается в синем колорите скорбных картин Пикассо, в холодной отгайнии его кубистических построений. Искусство Запада умирает. Но это не умалет достояния отдаленных мастеров, ни что-то натюрморты получаются».

Монэ учит видеть. Импрессионисты пассивно подчинялись природе, но, подчиняясь, они умели наблюдать тончайшую вибрицию света, игру красок и теней. «Монэ — голый глаз, — говорил Сезанн, — зато — какой глаз!»

Умение отбросить сущностное, обнять самое ядро явления складует заимствование у Сезанна и Пикассо. Ван-Гог учит прорывать движение, стремительность, рост. Это нужно нашему искусству.

Дворцы социализма потребуют прекрасной стенописи. Здесь немало можно заимствовать у Гогеа и Матисса. Это из области мастерства.

Другое: эти люди любящая свое ремесло. Они любят его динамически, стретаясь от неслкой жизни помимо него. К тому их принуждал эпоха, время, страна, неблагоприятствующая творчеству. От этого избавлены мы. Но эти художники умели работать. Они прорывали и в первозданном мастерстве своего ремесла, нужды, насмешки. Они умели искать и продолжать.



ВАН-ГОГ (1853—1890)—Прогулка заключенных.

Семен КИРСАНОВ

В „СМЕНЕ“

Робот — машина, заменяющая человека. Он даже может летать, читать, выплывать по дереву. И он (главное!) работает в каких угодно условиях и не протестует. Это ли не идеальный, с точки зрения капиталиста, работник!

Вот комиссия во главе с военным промышленником Шнайдером принимает новую партию роботов. Они великолепны, эти чудесные машины. Вот они воюли,

«В дверях отдавши честь оруду...»

Но что это?!

«Обмер Шнайдер: дорожка по коже, как будто паук пробежал руками. Грустно стоит на других непохожий Робот Не сорококовой».

«Светится в Роботе лампа сквозная, И чудится Шнайдеру — он по-мошки смотрит презрительно: «Я тебя знаю...» — И тихо пухлыриует

Капиталисты даже человека превращают в машину, а тут вдруг в машине что-то человеческое!! — И Шнайдеру страшно: Выгляди!

Испроуди! Робота увозят на сваху. Там он лежит и ржает. Поутру жаль прекрасную машину, и он говорит о ней как о человеке:

«Осколки лап — раскнуты пиноком, И руки врозь — забывают о жесте.

Спи, Робот, Спи, арктикрат, как венком, Обрезами консервной жесте.

Война. Фронт. Капиталисты двинули на республику роботов! И вот они лежат, изломанные, страшные, ни перед чем не останавливаясь, «в траву желсеный

вдавливая шаг, — ворочая носы прицельных рамок, в лицо нам газком притормозив дыша...»

Их не оставаливают русской шаг: «Пружина на ресорах, пулей не пробиты, Снароны в проволочном лесу

пошли, гипнотически дивягась, Роботы, сининговые лапы держа на весу.

— Оруди!, Оруди!, Шаркающие взвод! Шлоп! цолопкой! — Лес! Но и снаряд

отклоняется от странно мердающих плещ.

Война окончилась так, как она и должна была окончиться, — революцией.

И Робот — чудесная машина — превратился из врага человека в его друга.

«По Москве в большом количестве Ходят сауги

«Истгалладрисские».

Робот — доктор! Робот — офицер! Робот — парикмахер. Робот — калашдидер, и т. д. и т. п. И даже:

«Ночью, сваянось над коляской, Нивьяк в сияющей каске —

Робот, закунич и ласков —

Летам баюкает славы: — Яма да была среди людей

Берень — деревь — Берендей, бородастый чародей, Чародый бородей.

На нем колотушка и бубны висят, И, есая ребенок орет,

резиновой лапц кадетт погосать с молочною струейю в рот».

Великопони! Капиталисты превращают людей в автоматы, даже машину — Робота — забороковали из-за того, что в нем будто бы просматривалось что-то человеческое. А позт относится к машине почти как к человеку? И тепло, дружески заканчивают:

«Метают и бархатной лапце шурши нам, Ты мешешь, метешь

и варишь, Живая и добрая лапа машина,

стальной человекый товарищ».

Меланто тпты-образы, вывазыные помойи, Молодые помы-сменовы высказываются о «Поэме

— В детстве я читал «Борьбу миров» Уэллса, и это произведение очень возмывало меня, — говорит Борис Абелева. — У нас ощущается недостаток фантастической литературы. «Поэма о Роботе» — ценный вклад в этом смысле. Кроме того нам, молодежи, надо учиться у Кирсанова сюжетному построению вещи.

Евгений Абрикосов доподлет Абелева: — Огромное впечатление производит эпиград дрямея Роботом. Поражает у Кирсанова необычайная точность эпитетов.

Иван Меньшиков говорит: — Хорошо то, что чувствуется трагедия человека в капиталистическом мире. Но жаль, что хорошее, теплые слова относятся к машине. Мм — господа машины. Любить их нам будем, но целовать — нет, это смешно.

За Меньшиков выступает Яков Беллинский: — За Роботом я вижу живых штурмовиков. За Роботом я вижу всю структуру капитализма. Поэма оперирует синтетическим методом — этим она и хороша.

— Хоршна конструкция стиха. Замечательно, что рифма к Роботу не иссякает. Ритм напряжен



С. Кирсанов.

— Ведь «Поэма о Роботе» — это же почти «Разговор с финицисткой» Маяковского, — замечает Воронков. — Маяковский давно умер, а Кирсанов, поэт с бонным стилем, подражает ему до сих пор».

— Но с Воронковым не согласенся. — Отмечает Павел Железков, — лейтчик Гагаля, попал в оборудованный по последнему слову техники автениый цех Тракторного завода, поражается его великолепию и сознает, что та мастерия, в которой он раньше работал, — просто темная конура по сравнению с этим цехом. Нечто подобное испытываю сейчас я, прослушав «Поэму о Роботе».

Объем мнения закончен. Берет слово Семен Кирсанов.

В «Поэме о Роботе» чувствуется только юмор Маяковского, но не подражание.

— Основным недостатком поэмы, по-моему, является то, что Робот основательно позавил в капиталистическом мире и слишком мало в нас, Маяковский сказал:

«Грудно с буадуим. За край его выдиренья — и то хороши!»

Заместитель редактора «Смены» тов. А. Кронгауз позволяет itself обиделся: Кирсанов сумел очень ярко и злобно позавить в «Роботе» чудовищный лик капитализма и тепло, любовно, без грубой агитационности дать штраф социалистического общества.

Поэма «Робот» ставит Кирсанова в первые ряды мастеров советской поэзии. Он успешно преодолел многие недостатки сьматизма и примитивной платности, которые все же были в прежних его поэмах «Товарищ Маркс» и «Пятилетка». И за пламенными его словами о машине чувствуется настоящая любовь к человеку.

Пути Кирсанова от экспериментаторства как самонадеянного по поводу социалистической романтики, к которой он пришел одним из первых, интересен и познавателен.

А. ОЙСЛЕНДЕР

ПРИЗЫВ

На прощанье
Дай мне, золотая,
Из конья студеного водки!
Журавки радуют ластик,
Сивные качаются сады.
Повалились
Под рязовой сивью дуба,
Что чудное пламя не зажжет
Эти щемь, этот амый лед
Губ твоих, обветренных и грубых.
Мояадесть,
Не ты ль шумишь по краю,
В этом ли бессердечье твое,
Что в огне горюшь ты, не стораи,
Смех приподнимаю, что конье,
Что старея мы, а ты все та же,
Слава рук, косы густая тиешть —

В этом вдоховление твое!
Вел ты —
Наказуемо расставали.
В тумане горьком от любви.
«До свиданья, —
Говорить ты, —
Ван!»
Если трудно станет, позови!
Если на коммисию откажут,
Ты постыловательно вопири
Помытайся спорить.
Может, скажут:
Голен
Безусловно
В марьяво,
Я холма в журиж

Анахия,
Оттого ль,
Что крошь мне дорога,
Для того
Чтоб не алтаси жемю,
Чтоб летели пули
В грудь врага?
Если вороняловец склонится,
Дай ему вытисить из конья.
Это и от жамам
На границе
Падая,
Вали
От камыша.
Он впроцине
Дай мне вишен садикх —
Губы, что разлукою поам.
Армян стоит.
И все в порядке
На границах четырех стран.



Все чаще и чаще в кругу советской молодежи можно услышать такую:

— Карага, товарищи, времени не хватает. Ах, если бы в сутках было не 24, а 48 часов!

Люди не уходят в свой собственный день: им тесно. Если бы Господь обладал возможностью удлинить или укорачивать день, несомненно, многие из них подали бы петицию об увеличении дня. Законоверны или жалобы советских людей на катастрофическую нехватку времени? Да, закономерно. Стране нашей задали в отношении короткой исторической срой совершить дела, которые наметят судьбу всего человечества. «Десять дней, которые потрясли мир», навела свою книгу Дэнис Рид, и в этих десяти днях описала события, из которых можно рассказывать годам.

В личной жизни каждого из нас также неизмеримо увеличилось количество важных событий. Проводящая революция развернулась перед нами двери в большую жизнь, необычайно расширилась возможность и обязанности советского человека. Его день должен вместить в себя величайшие богатства: творческий труд, непрерывную учебу, участие в государственной работе, отдых в театре, на стадионе, общение с огромным коллективом друзей и соратников. Один из нас, не оставил ставку, кончат институт и становится инженером. Другой, прокладывая маршрут автомобиля, как это было на заводе им. Сталина в Москве, сдает экзамен на летчиков, пилотов. «Дейл стал тесным. Все чаще и чаще мы видим, как молодые люди посещают в трамвае совещания с повторением лекций, решением задач по физике и математике. Пробираясь к передней площадке, они борются формулы навести или карбиды.

Но стоит ли обращаться в Госплан с фантастической просьбой об увеличении суток?

В среде молодых советских людей есть группа, которая утверждает, что в расписании каждого из нас есть лишняя «голландка», он легко может увеличить емкость делового дня, емкость времени. День можно сделать большим или маленьким — это зависит от умения с ним обращаться.

К сожалению, у большинства из нас день еще маленький.

Обратимся к опыту счастливых людей, умеющих укорачивать капризные времена. Недавно мы пришли беседовать с будущим авиационным инженером Георгием Ивановым. Гудименко. Я спросил:

— Почему вы никогда не производите впечатления спешащего человека? Ведь у вас так много обязанностей.

Он ответил:

— Мне удалось свлечь время за хвост: я им управляю. А было время, когда, наоборот, время мило упирало. Я тогда замечал, что отсутствует свободное время в сутках. Я бархатился, бега с вытарженными глазами, я всегда спешил. Слыва богу, теперь эта муча кончилась.

— Как же вы от нее избавились?

— Я планирую время. У меня есть план каждого дня. Он занесен на бумаге. Я придерживаюсь его с железной точностью.

И слушатель четвертого курса Авиационного института Георгий Иванов. Гудименко рассказал, как он боится нарушить план. Аккуратно собранное время тогда распылится, как расплескивается упавшая на пол капля ртути. Весь пол блестит, вылезает много, но их нельзя собрать: они выскаль-

зывают из плавней, распадаются на еще более мелкие, разбегаются по всей комнате, — и вот уже нет большой капли ртути, вы упущена ее навсегда.

Так же можно упустить и время: оно не терпит небрежного и быстрого обращения. Время стоит исторически.

Как же обращаться со своим временем Гудименко? Он составляет план на каждую десятидневку. Еще более удобным он считает приготовление плана на целый месяц; это труднее, зато дает замечательные результаты. Время видно далеко вперед: и самым сложным его узлам, и «часам пика», можно заранее подготовиться.

— Я спросил: — Что же лежит в основе вашего плана? Какой принцип вы положили в основу?

— Один принцип, общий. Это работа о том, чтобы в план попали не только мои обязанности, труд, учеба, но все разнообразие большой жизни, какая открылась передо мной. План предусматривает обязательное посещение театров, спорт, работы в библиотеке, поездки за город. А в будущем — работу в аэроклубе. Я люблю спорт, во-первых, быстро, в-третьих, зимы. Поэтому я избрал аэросани. Но, к сожалению, я отказался от нашей темы.

— Какой же второй принцип вашего плана?

— Это скорее метод, а не принцип. Я долго думал, какой основной принцип использовать для организации дня? Жизнь показала мне, что этот принцип — «легкие дни», а не институтскому расписанию знаю, что в такой-то день десятидневки мне предстоит особенно трудный день. Эти дни подгоняю расписанием ближайших к этому часу дней, чтобы разгрузить их от всех лишних обязанностей. Это обязанности я в своем плане перекладываю на ближайшие же мне «легкие дни». Я их, так сказать, догружаю, эти самые «легкие дни».

Гудименко рассказывал мне, как ему трудно приходилось, пока он не разбил время на «трудные» и «легкие» дни. Трудный день начинался из него неожиданно. Оно поухватывала оторваться. Он ощущал, что последние дела и заваливался на подготовку к зачету. Но со всех сторон его продолжали дергать повседневные обязанности: нельзя же пойти в столовую, на лекцию, в библиотеку. В результате студента охватывала такая горячка, что он и к зачету готовился наяву, и все остальные дела свои запустил до состояния «дней».

Все это можно сравнить с нашими удивными семафорами. Шерфры рассказывают, что для них гораздо удобнее открытые семафоры, где стрелка методически движется от красного к желтому и зеленому полю. Шерфры видят, где находится стрелка, сколько миганий осталось до перемены цвета, и поэтому спокойно планируют программу дня, тормоз, конец остановки. А в «слезных» семафорах тот или иной цвет загорается неожиданно — пофр внезапно сталкивается с необходимостью остановиться. Он тормозит рынком, нервничает, сидище сада пассажиры стучаются затканы о стену автомобиля. Шерфры лишены возможности «планировать» свою работу.

То же самое случается с людьми, у которых нет плана организации времени, нет разделения дней на трудные и легкие. Они живут «вслепую» и сталкиваются с абраи или внезапно подкованный трудный день.

Гудименко продолжает:

— В моем месячном или декадном плане я заранее пишу, в какой день или в какой час я пойду в Институт, в библиотеку, в столовую. Перед каждым выходным днем в расписании значится посещение театра. Это уж закон. Я не могу без театра. И стал бывать в театрах гораздо чаще с тех пор, как завел расписание. Чуть, два раза в десятидневку я бываю на спортивной. Увлекаюсь легкой атлетикой. Летом для нашего Института отведены специальные часы на стадионе им. 1 Мая.

Меня заинтересовало, как же выглядит у Гудименко его средний день, типичный для всего расписания. Он актрисинским образом превлек воображаемый разрез своего дня. Как сета в живом уме наполнен медом, так часы и минуты в дне будущего авиационера содержат в себе множество полезных дел.

День движется без особых жертв и усилий со стороны хозяина. Встает он не так уж рано — в 9 часов. Подчас уходит на завтрак, от 9½ до 12 часов Гудименко занимается, студенту лекции. Следующие полчаса — свободное время; как видите: сильно нагруженный день при некоторой порядке и системе организации оставляет и совершенно свободные паузы. Пауза уходит обычно на чтение газет. Иногда же хочется размять затемя за время занятий тела физкультурой. Затем, Институт. Путешествие в трамвае от Гверской улицы до посела «Сюда», что у Павловского Стрешена, занимает 45 минут. К сожалению, институтская столовая так перегружена, что обед занимает час — полчаса. Обидно, но ничего не поделаешь. На часек уез 2 часа 15 минут. До трех часов студент идет в институтскую библиотеку, размыкает нужную книгу, успевает кое-что прочитать. С трех до девяти вечера он сидит на лекциях или работает в лаборатории, в мастерской. Затем, 45 минут на путешествие домой. С 10 до 12 noon Гудименко занят домашней работой: комплект лекций, учебник, в 12 он ложится спать.

— Хорошо, но где же ваш спорт, ваш театр, отдых?

— Не беспокойтесь, в плане все предусмотрено. Вот помечены дни, когда занятия в Институте кончатся не в 9, а в 8 часов вечера. Вот сморгнет: с 8 до 11 вечера — стадион или каток. Это раз в неделю. А перед выходным днем помечен театр. Подчеркнута с четким белотристикой. Я успеваю читать книги только в свободные полчаса после завтрака и еще перед сном. Похвотай, сам видишь. Но ведь есть еще выходной день. Тут уж и расплываюсь; и с книгой сижу в кресле, и за город езжу, и байдарку угощу поближе к лесу. Иногда, например, заменяю байдарку велосипедом.

Вот примерный разрез дня, спланированного Георгием Ивановым Гудименко. Он действительно сумел схватить время за хвост. Он действительно сознается, что, вмешившись на план, он сразу зарывался, дела сталкиваются в самом неподходящее время, день разбавляется, шатается, приходится захватывать ночь и сидеть с конспектом лекций.

Будущий авиационер очень боится таких катастроф и чеканливо держится за свой план.

Так спланирует. Выясняется точная величина дня, он велик: его вполне хватает на великое множество дел, которые приват совершает молодой человек своего времени.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Есть ряд истин, напоминать о которых следует не потому, что они оспоримы, а по совершенно иным причинам. К разряду таких истин относится исключительное значение для нашей эпохи — вышедши построения бесклассового общества — изучение иностранных языков. Стоит только представить себе, в каких темпах протекала бы международное объединение трудящихся, если бы на земном шаре был единый, общий для всех языков, чтобы оценить роль языка как орудия интернациональной связи и нашей борьбы за прекрасное будущее человека.

Наша эпоха настоятельно требует от каждого из нас выйти за пределы своего родного языка. Наука, культура, социалистическое по своему содержанию, требует от каждого из нас укрепления интернациональной связи нашей родины с трудящимися массами мира. И возникает вопрос: какой из западных языков следует изучать в первую очередь, чтобы затем перейти к другим?

Разумеется, тот, который наиболее распространен, легко усвоить и имеет большое культурное значение.

Языком, который удовлетворяет этим условиям, является английский язык.

Английский буржуазия в течение второй половины XVIII в. и на протяжении XIX в. вел непримиримую борьбу со своими экономическими соперниками, которые в прошлом определяли ее в своем экономическом развитии. Победа Англии над Испанией в конце XVI в. была победой трехстепенной роду своему западной европейской страны над великой державой феодальной эпохи. Но эта победа не вывела Англию в ряд мировых держав. В XVII в. и на протяжении XVIII в. политически Англия не могла соперничать с Францией. Ее окрестная буржуазия, заявив о своих снах революции 1649 г., в начале XVIII в. попыталась прогнуть свои шпалеры за пределы острова. Но она столкнулась не только с экономической мощью

королевской Франции, но и с буржуазной Голландией. Борьба с последней за мировые торговые пути закончилась в 1713 г.

Эту борьбу выиграл английский купец. Английский язык называл уже в этом веке в другом популярном в Северной Америке. Он закреплялся там, все больше раздвигая границы, поставившие ему французский язык, на котором первоначально говорили жители Канады — французской колонии.

У себя на родине — на британских островах — английский язык стал общим для Англии, Шотландии и Ирландии значительно раньше — в XVII в. В середине XVIII в. английский мореплаватели и купцы заставили народы Индии учиться языку авантюристов, в начале XIX в. та же судьба постигла и народы Австралии, а вслед за этим английский язык проник по пути английского империализма в Южную Африку, в Новую Зеландию, на Ямаку, на острова Малайского архипелага, где он вытеснил голландский. На всех островах у берегов Азии английский язык принял искаженную форму, так называемую «пинджин-инглиш», на котором объясняются также и в Китае.

Не только в английских колониях, но и во всех пунктах земного шара, охваченных торговыми путями английского купца, английский язык является если не официальным, то почти равноправным с языком европейской страны, владеющей этим пунктом либо подчинившей его своему политическому «влиянию». На наших глазах он вытеснил на Востоке французский с его позиций единственного языка дипломатических сношений, а после империалистической войны центр буржуазной научно-технической мысли переместился из Германии в страну, говорившую на английском языке, — в Соединенные Штаты Америки.

Соединенные штаты издали сейчас лучше в буржуазном мире научно-популярные и технические

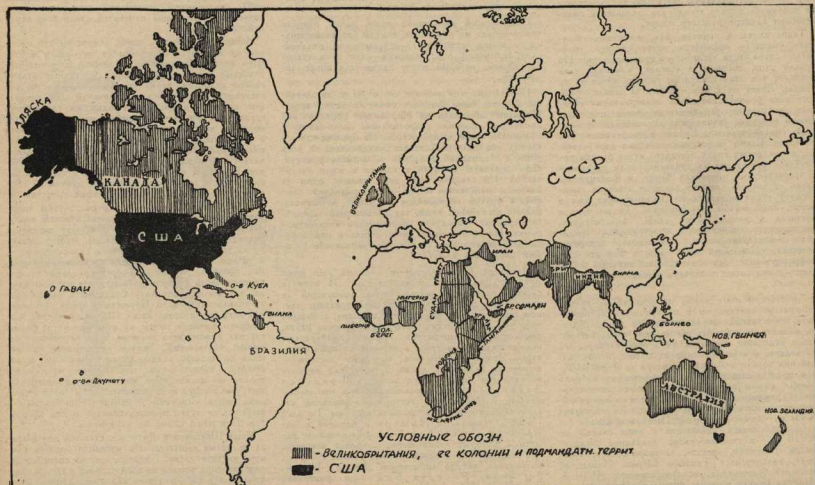
журналы, знакомство с которыми обязательно для нашей молодежи не только потому, что эти журналы осведомляют о завоеваниях высокой капиталистической техники Соединенных штатов, но также потому, что они дают наиболее полную свободу «талантливой европейской науке и технике. Не зная ни одного европейского языка, кроме английского, и внимательно следя за американскими журналами, наши молодые кадры техники в точных науках имеют полную возможность быть в курсе того, что делается в этих, важнейших для нас областях культуры на Западе.

Кажется, кто овладеет английским языком, литература Соединенных штатов откроет специфический характер американской деловитости и умения организовать любое производство, достигая при этом эффективности более высокой чем в странах Европы.

Английский язык в Америке иногда называют «слэнгом» (сленг). Таким термином хотят подчеркнуть, что английский язык в Америке обладает рядом характерных особенностей и несколько отличается от стандартного английского языка — «standard english». Эти особенности не являются следствием неправильного употребления грамматических форм и отклонения от «standard english», отнюдь не являются вульгаризмами.

Такое наименование английского языка в Америке может только породить ряд недоразумений. Ибо термин «слэнг» употребляется и в более узком смысле — для обозначения жаргона отдельных профессиональных групп и для метафорического языка (например у нас «брыкаться» в смысле «не подчиняться»). Поэтому целесообразней отговариваться от термина «слэнг» в отношении английского языка, на котором говорят в Соединенных штатах.

Этот язык несколько отличается от «стандартного английского» благодаря проникновению в него



Карта распространения английского языка.

ТЫ ИЛИ ВЫ?

После того как я признал на ячейке свою вину, меня допрашивают сомнения. Не ошибался ли ячейка в отношении со мной, не был ли я прав, когда осадил Туркина?

Товарищи, с которыми я каждый день встречаюсь, присутствовали на собрании, и мне не хочется поднимать перед ними решений как будто бы вопрос: они могут решить его по обычному шаблону...

Я хочу посоветоваться с более широким кругом молодежи и прошу напечатать это письмо, так как оно касается комсомольской этики и морали.

Все лето я проработал на строительстве ГЭС помощником прораба. Я отдавал работе все силы, по вечерам я руководил кружком повышения квалификации бетонщиков. Рабочие чувствовали мое отношение к делу, и я встречал с их стороны внимание и поддержку. Они приходили ко мне за советами по домашним делам, рассказывали о своих

горестях и мечтах, называли они меня обычно по имени и отчеству.

И вот однажды ночью, когда я сидел в комнате, разбирая с десятками чертежи, в комнату вошел расстроенный молодой парень. Он работал где-то на другом участке, и встречался мы с ним всего-навсего раза два или три; фамилию его я почему-то знал: Туркин. Он вошел не здороваясь, а медленно встал на него и продолжал работу.

Вот тут Иван Филиппович, надо бы опалубку покрепче, — указал мне десятник Ермилов на штрих с левой стороны фундамента.

В это время Туркин хлопнул меня по спине ладонью и развязно сказал:

— Ну как, Ванька, твои дела?

Десятники посмотрели на него с неодобрением. Мне тоже стало как-то неловко и неприятно, и я сухо заметил:

— Вы, товарищ Туркин, отравите нас от работы. Кроме того, — добавив я, — а для вас не льзьянка, и тыкать меня незачем.

Я взглянул на его лицо и укусился. Он сморщился за меня — раз яреными глазами и закусил тонкую нижнюю губу.

— Быворот несчастный, — сказала он, — а я думал, что ты приличной комсомолец... Душу не даю вырывать у таких оборотов... Подушник, какой граф... тызь ему говорить!.. Иван Филиппович... Ха-ха.

Я ничего не успел сказать, так как он тут же вышел, громко тоная сапогами.

Возвращаясь ночью домой, я ругал себя за недальновидность и в особенности за этот упрямый вылаз, прорававшийся у меня независимо от моей воли.

На собрании говорили об отраве меем от месс и о том, что я начал обороняться, полая на ответственную работу. В ответ на мой порывание, председатель заметил, что именно в последнем порочном факте проравались отрицательные черты моей личности, которые до последнего времени были скрыты.

Я некоторое время колебался, но в конце концов, прослудав яростные выступления в яреным, действительно совершил ошибку. Я спросил второй раз слова, сказал, что соглашался с товарищами, раскритикованными меем, и в дальнейшем надлежало исправиться.

И вот сейчас не знаю, как мне быть. Одно известно: то ли ячейка ошиблась и я совершил слабость, согласившись с собранием, то ли я действительно исходичи и, повидимому, несправивши; у меня о «тыкальщи» и панибратстве сейчас особые мысли, и слова слез о совершенной ошибке я охотно взял бы назад.

Почему, например, в Красной армии коммандиры и красноармейцы говорят друг другу «вы»? Исходя из теории Туркина, это ведь нигуда не годится: ведь все они люди одного класса, и среди командного так же как и среди рядового состава армии много коммунистов и комсомольцев.



— Ну как, Ванька, твои дела?

Однако Красная армия является школой культурных бойцов, и не на этом «ты» строится крепкое товарищеские отношения между ними.

Нельзя, когда говорят, что слово «ты» благодатно мало знакомых людей, делает их товарищами. Ведь на «ты» обращаются верующие и к господу богу, однако от этого интимной близости у них не получается.

Когда говорят «ты» кому-нибудь из старших заслуженных людей товарищей, получается очень несестственно, неприлично.

Мне кажется, что «ты» можно говорить только близким товарищам и родственникам.

В русском языке существуют две формы обращения, и немалым нам выбирать менее культурную форму.

Кулаки, помещики и прочие хозяева всегда обращались на «ты» к рабочим и крестьянам, но требовали по отношению к себе выражений: «Ваше благородие», «Ваше степенство» и т. д.

Многие трудящиеся в свою очередь заставляли говорить себе «вы» собственных детей. Мне кажется, что обращение на «вы» может сейчас требовать по отношению к себе все без исключения; и немалым навредить тут яреным: «отговаривай от месс», «оборонялся» и пр.

Молодой парень не обидится, конечно, если станет обращаться к себе «ты»; иногда уместно будет обратиться и к старухе: «Иван Петрович, как себя чувствуешь?» Но я здесь говорю о явлении в целом, о чистоте освоения культурой и величавости в повседневном быту.

Я против грубого панибратства и дешевой развязности.

Я против «головоногий» людей (читайте Гадкова «Головоногий человек»), которые со всеми на «ты», которые всем хороши и прости, а по существу максимуют вечно свои отрицательные качества.

Наши товарищеские отношения должны строиться на совместной, дружной работе, на подтягивании отстающих до уровня передовых, на культурной и веселой дружбе.

С комсомольским приветом

И. Радулин.

«Семья» приглашает своих читателей дать коллективный ответ на письмо Ивана Радулина.



Кулаки и помещики всегда обращались на «ты» к рабочим и крестьянам...



Учебный самолет У-2^д в полете.

Р. СТРОНГ

КАК Я НАУЧИЛСЯ ЛЕТАТЬ

РАССКАЗ ВЫПУСКНИКА ЛЕТНОЙ ШКОЛЫ

Отчаянно легкотелая, плавно, пригнуто, тинистую — мне даже обидно стало, когда я получил направление в медицинскую комиссию, но пришлось идти — хочу летать. В амбулатории приказали раздеться догола и вручили огромную игулку. Заголовок: «Санквита летчика, летнаба, воздухоплавателя».

Седельник врач с лезвием лица, пытался смотреть на меня, спрашивая о болезнях, потом щупает мышцы, отгребает кожу, вешивает, измеряет, спирометром определяет объем легких и все заносит в карту.

— Смотрите все время на мой палец, — говорит врач.

Смотрю: палец как палец, чистый и тонкий. Палец вдруг пошел в сторону, потом вперед, вниз, опять в сторону, а я должен на него смотреть, не отпуская из виду.

Глаза у меня забегали: я ловлю палец, а врач, оказывается, ловит меня на «уловительный» и косоглазие.

— Идите в кабинет к ушнику. — сказала, наконец, врач и вручила мне игулку. Выхожу и читаю: «Скрытое косоглазие — 3 градуса».

Забрехали. Тусклыми лавками вдруг похрюкал косяк Косой, вот те на! А я и не знала...

— Следующий, — раздается из ушного кабинета, а я стою и не двигаюсь. Стоит на ногах, когда косой!..

— Что не идешь? — толкают ребята.

— Чудак! Вот если бы один глаз смотрел на нас, а другой на Кавказ. До 3 градусов скрытое косоглазие у большинства людей. Это летному делу не вредит.

Ушник проверил нос, галстук и уши, потом посылает на вращающийся стул вроде ролевого и начал крутить. Глаза заставил закрыть и голову пригнул к животу.

— Вставай, командует вдруг, — и руку вверх!

Я приподнимаю... И вдруг как шархает в сторону. Чуть стенку лбом не прошиб, но все-таки на ногах

устоял. Это были испытанья на выносливость при штурмане.

И вот в я синем комбинезоне.

Травил. Ржевский вокзал и остановка «Тупино». На аэродроме встретил летчик и провозжал к самолету.

Вот они, жезлы! Совсем не так, как в аэроузлах и классах. Крылья и хвосты сияют лаком. Гроши и стальные тельца, скрепляющие фюзеляж и крылья между собой, покрыты сажею желтоватой мазью, «таратор», чтобы не ржавела.

По всему видно, что самолеты недавно с завода.

Инструктор сел в кабину и пригнул себя. Четыре конца широкой и очень крепкой тесьмы обхватывали как ламки. Два конца обняли плечи, а два — тазовые кости и соединились на животе в замке. Это для того, чтобы не выплыть из самолета при некоторых фигурах высшего пилотажа.

— Готов. Запустим, — говорит инструктор.

— Выключено? — спрашивает техник и, получив ответ, начинает крутить винт (пропеллер). Автомобильный мотор и то трудно провертывать, а здесь — сродни танку.

Техник вращает винт, и слышится, как мотор сосет. Это бензин поступает из баков через карбюратор в цилиндры. Когда поршни идут из верхней, мертвой точки и вниз, т. е. уходят от головки цилиндра, камера сжатия увеличивается, создается разрежение как в насосе и тут открывается клапан впуска. Через него стремительно бьет бензин. Колечки вала повернутся и поршень идет в «верхнюю мертвую точку». Смесь сжмется. Теперь стоит ее поджечь, и получится взрыв паров бензина «рабочий ход».

— Контакт! — кричит техник.

— Есть контакт... От винта, — отвечает летчик и вращает пусковое магнето.

Мотор сначала как будто чинил, а потом несколько минут дымил и забулывал на малых оборотах.

Один из 8 человек (летная группа) сел в заднюю кабину — и зависть появилась на лицах оставшихся: «Почему не я первый?». Мотор сначала застучал, и винт скривился на глаз, точно растаял. Возник призрачный сероватый круг. Сейчас я знаю, что галстук человека не способен фиксировать больше силы движущей в секунду (по этому принципу работает и кино), а винт даже на малых скоростях делает 8 оборотов в секунду. Мотор 4М-11, стоявший на У-2^д (учебный самолет), развивает до 1700 оборотов в минуту, а это будет 28 оборотов в секунду.

Машина тронулась с места, немного пробежала и поехала. Мы, 7 учеников и техник, остались на старте. Самолет — объект наших обожаний и любви — удалился...

В течение года мы постигли в школе массу сложных наук... «Самолеты», «моторы»... Буквально по галее, по шпалитке разбирал мотор и самолет. «Аэроавиатризм» — дисциплина, разрабатывающая методы воднения самолета...

«Третья авиация»... Изучая эту науку, мы узнали, что крылья самолета благодаря быстрому движению (гнет винт) встречают сильное сопротивление воздуха. Снизу крылья получают давящее воздействие, а сверху — разрежение. Возникает подъемная сила, и самолет, весом в одну тонну и больше, идет вверх.

Теперь все понятно, а вот раньше весело удивлялся: как это фюзеляж (корпус самолета), склеенный из лущин сосны и липы, расчлененный проволочкой как струнами и обтянутый «перкалем», не развалится в полете?

Травил. Ржевский вокзал и остановка «Тупино». На аэродроме встретил летчик и провозжал к самолету. Вот они, жезлы! Совсем не так, как в аэроузлах и классах. Крылья и хвосты сияют лаком. Гроши и стальные тельца, скрепляющие фюзеляж и крылья между собой, покрыты сажею желтоватой мазью, «таратор», чтобы не ржавела.

По всему видно, что самолеты недавно с завода.

Инструктор сел в кабину и пригнул себя. Четыре конца широкой и очень крепкой тесьмы обхватывали как ламки. Два конца обняли плечи, а два — тазовые кости и соединились на животе в замке. Это для того, чтобы не выплыть из самолета при некоторых фигурах высшего пилотажа.

— Готов. Запустим, — говорит инструктор.

— Выключено? — спрашивает техник и, получив ответ, начинает крутить винт (пропеллер). Автомобильный мотор и то трудно провертывать, а здесь — сродни танку.

Техник вращает винт, и слышится, как мотор сосет. Это бензин поступает из баков через карбюратор в цилиндры. Когда поршни идут из верхней, мертвой точки и вниз, т. е. уходят от головки цилиндра, камера сжатия увеличивается, создается разрежение как в насосе и тут открывается клапан впуска. Через него стремительно бьет бензин. Колечки вала повернутся и поршень идет в «верхнюю мертвую точку». Смесь сжмется. Теперь стоит ее поджечь, и получится взрыв паров бензина «рабочий ход».

— Контакт! — кричит техник.

— Есть контакт... От винта, — отвечает летчик и вращает пусковое магнето.

Мотор сначала как будто чинил, а потом несколько минут дымил и забулывал на малых оборотах.

сте. Это былиavorоты. Скорость на большой высоте плохо ощущалась.

От радости, что лечу, толком я ничего не различал с самолета. Перед глазами появилось столько объектов, что я как ошаренный набегалось, за один борт, то за другой. Хотя все различалось, галстук, пердевал, сумки, инвентарь... Но мотор стих, и желтый ковер аэродрома так скоро разостался под шасси, что все домик, дорожки и электроприборы убежали под хвост самолета.

Один миг земля быстро пронеслась под самолетом на расстоянии двух — трех метров, ин приближалась, ин отдавалась как будто бы сморщилась с криком курьерского на полном ходу между вагонами. В пустотных крыльях загудел удар колеса, и машина, покачиваясь, пошла по травянистому дугу как утка.

Почему слыи у знака «Т», правильно это или неправильно, тогда я этого не понимал. Однако я догадался, что последи была сделана безукоризненно, но так как приземления самолета не почувствовал.

Второй помет — мой. Собственно, так сказал инструктор. На моем же деле я только держался за ручку. Ручка — рычаг управления, при помощи которого самолет направляется вверх носом (ручку тянут на себя) и вниз носом (ручка давится от себя). Наклонение ручки влево или вправо дает соответственный наклон самолета.

После первого разворота инструктор вдруг поднял руку, и я усмиршил по перегородочному аппарату: — Ведите машину. Ручкой удерживайте капот по горизонту, а ногами — направление.

— Удерживать капот по горизонту? — это значит вести машину так, чтобы верхняя часть носа самолета (капот) проецировалась на фоне горизонта, который прекрасно виден в хорошую погоду. Если нажать вправо правой ногой, то самолет пойдет вправо, а левой — влево.

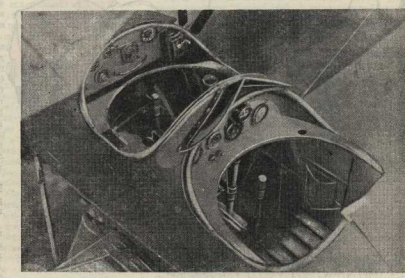
«Ага» прохватывала машинка, значит дать ей почувствовать силу мышц, — подумала я и вцепилась в управление как клещ в кошку.

Будут задано мне в правое ухо, очки сбюло в сторону, машина быстро развернулась влево, и я начал управлять.

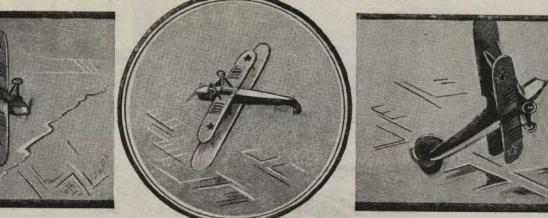
«Вот так теория, я хотел движением ручки вправо и правой ногой поставить самолет на свой нуб, но в ту же секунду «управляемый» мой самолет сохранила на крыле. Задано опять почему-то справа, мотор затрещал, носок из кабин послышался в глаза, и я увидел, что земля приближалась.

— Управление не займается... — сказал слухослышней и я то же время громовой дала меня голос в резное ухо. — Держите управление слабее, чтобы я мог поправлять...

На момент я остался мышцами. На



В двух кабинках учебного самолета одинаковое управление. Инструктор всегда может исправить ошибку ученика.



Отдельные моменты мертвой пети.

структор почему-то сбавил обороты мотора. У него в кабине ведь такое же управление и самолет и мотор, что и у меня (параллельно, или «двойное», как его называют). У инструктора имеется специальный выключатель управления. Этот выключатель ставится на случай опасного «зависа» управления пилотом усунком, чтобы не потерять авиарюк.

Самолет надо было выводить из ненормального положения, и снова «штурман» рулями, т. е. несколько раз и быстро двину рулями взад и вперед. Машина перешла на другое крыло. Блуду чувствуется, что инструктор вырывает управление. Отпустил... — Не бросайте управление!

Я опять встал, но машина не слушается.

Слабее управление держите! Не давайте рывки: маско из нее не вылезает...

И тут я понял, как беспомощно неопытного человека в воздухе и как силен левый.

Взялся я за ручку с горечью, едва дернул ее двумя пальцами и думаю: «Тут же управляет за нас, и — женщина, или машина». И вдруг голос инструктора:

— Смотрите, как ровно идет самолет, и пусть идет! А как только отклонится, примечайте рули, но не резко, чуть-чуть двинуть ручку и перестать...

Обыкновенно, хорошо отрегулированная машина сама идет по прямой, но если неопытный человек начнет управлять ею, то самолет заворачивает.

Через несколько полетов такие недостатки, как «зависание управления» и «штурвание», я изжил. Машину уже водил по прямой и пытался делать правый «разворот».

Когда быстро сел на моторной лодке и повернул ее, то наверняка она опрокинется. Центробежная сила обязательно выкинет пассажира за борт. Так и на самолете. Конечно, опасность от «переворота» на самолете несильна, но он может на низкой высоте просто удариться о землю. От неправильного разворота самолет падает на нос и вынуживается в воздух как штопор, поэтому и говорят: «Самолет сорвался в штопор», штопорить. Правильный разворот — это равномерный поворот маско влево или вправо с креном. Для медленного разворота дается крен градусов на 33, для среднего — до 45, а для быстрого «буксового» разворота — градусов на 70—80. Крыло в этом случае ставится почти вертикально. Центробежная сила тогда пройдет через вертикальную ось самолета, и пассажиры окажутся ориентированы в сиденье.

Нормально подводя самолет к земле и «выравнивая», но технику приземления лучше не мог уловить. Планируешь, бывало, и думаешь: «Скорость планирования нормальная, расчет точный, машина идет как у старика». Ну почему бы не притереть ее на три точки?

А когда дело доходит до посадки, то вам рано потянись «ручку» — и самолет взмлет на метр, на два, или на десятоу долю секунд опоздаешь — и самолет стукнется колесами.

Нужно быть очень внимательным к положению самолета. Как только машина подойдет к земле на метр — пометры, надо плавным движением ручки на себя «выравнять» ее, т. е. заставить истечь парашадуно земле, и как только она потеряет скорость и начнет проваливаться — еще раз потянуть ручку на себя, тогда машина приземлится на «три точки», т. е. на 2 колеса и на костяки одновременно. Весь удар поглотится пневматиче колес и специальными амортизаторами. Дальше самолет пробегит по поверхности и остановится. Пилоту нужно только проследить за тем, чтобы прибор был прямой, а иначе можно сорвать по крыльям и поломать шасси.

Подходя к следующему управлению, и я «спел» инструктора в «зону»: водить самолет по прямой я научился отлично. «Зона» — это место в стороне от аэродрома. Там преподаватели все фигуры высшего пилотажа на высоте не ниже 700 метров.

В «зоне» инструктор показывал, как надо выполнять «штопор», а потом я начал «штопорить».

Убираю газ, задираю машину и одновременно резко беру ручку на себя и сую правую ногу.

«Хоп-на!» — вырвался из груди. Самолет встал дыбом, перевернулся на «сплошное» и, выныривая в серуюую глыбу, пошел вниз. Горизонт замаял над центропланом. Чтобы видеть его, пришлось задуть газы. Домик и река проносились с разной скоростью. Казалось, что самолет вращается, а земля. Бращение то нарастало, то затухало. Снизу — ну — и самолет выскочил из «штопора».

Систе стижке врезался в уши, и меня прижало к сиденью. Я выключил мотор и подал самолет «по горюхонту». Сделала еще несколько «штопорных» и пошла домой.

Вылезало из кабины, подхожу к инструктору, как полагается, и подставляю ухо, чтобы лучше слышать сквозь струю мотора.

Инструктор молча записывает в дневник. Мотор работает. Вибг поскрипывает и сплюснот круг, свозима металламическими околками. Газыштан выкидывают хлывыми отработавшую смесь с заселантовым димом.

Инструктор говорит о многих ошибках, но признает, что «штопорная» все же ничто — и это высшая позвала. Значит, скоро полечу самостоятельно. И вот подошел 93-й полет. Очередь моя. Инструктор вылез из кабины, отозвал в сторону и начал перекладывать дневник.

— Стрелки! Вг летите...

И трепет и радость переполняют меня.

«А вдруг не полосу?» — думаю. — Но нет! Сидела ведь с инструктором! Планирование уменя 150 метров.

Разворот. Полет по кругу на высоте 300 метров. Планирование и посадка к «1».

— Делайте все так, как со мной, — дает задание инструктор.

— Егерь! — Повторю задание и бегу к самолету.

Печенье ремни полету прижало к сиденью. При полете по кругу, конечно, не выпадешь, но привязываться обязательно (на всякий случай).

Как хорошо отдала кабина! Пелая не близко и не далеко. Ручка такая вальгаста, приятно сцепится ладонь своим резинным наколечником.

— Контакт! Левой ручкой выключай левую магистраль, а правой вращай «спуска». Мотор...

выключая левым дымом и затика как час.

Стартер стоит вперед с двумя флажками. Я вырвала и подняла правую ручку. Стартер поднял белый флаг, что означает «взлетает». Почти механически я вынула шпелет, нет ни препятствия, отпустила ручку от себя сантиметром на 10, левой рукой плавнов сдвинула вперед сестор оперенения. Мотор заработал быстрее, точно кто-то подгоняемый — так действует оперенение зажигания. Затем еще плавнов сдвинула рычаг сестор газа. Мотор зарева и счетчик оборотов понава 1600. Машина пролуналась с места и подалась. Ноги с одинаковой силой надавливали на педали, не позволяя самолету отклониться в сторону (если отклонится больше чем на 15 градусов, придется закручивать и снова взлетать). Правая ручка ношти автоматически отклонила ручку вперед, сантиметром на 30 от изювета. Шасси поднялось, и самолет сбросил на двух колесах. Вой заглохлелась стрелочка указателя скорости, стала подходить к цифре 90 км/ч и колеса последили раз шорохуны земля.

«Почти в то же мгновение» — почувствала из высоте 50 метров. И здесь я почувствовала, что действительно сам левый. Высота 150 метров. Я разворачивалась.

Как привычно отдалоно ручку вперед с некоторой толикой вперед и одновременно нажимаю на педаль правой ногой, а левую освобождала.

Машина разворачивается с врсной скоростью в 30. И не чувствуя никакого выдувания.

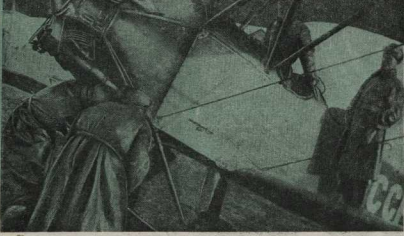
«Значит правый разворот!» — резко врозь себя. Обратным движением ручки и педаль ставлю самолет на прямую. Песмотрела на аэродром, который оказался далеко на правым бортом, гляжу на Москву, но не увидела ничего знакомого сквозь димку. Подумала, что и меня никто не видит, хотя я в первый раз леву, и зяпел от удальствости.

Но вот подошло время разворачиваться, чтобы зайти на посадку. Убрал рычаг газа, левая сестра. Мотор стал. Машинка опустилась на нос, и линия горизонта спроектировалась на пометры, примерно, выше колесов. В голубое стучит: «Посадка, я не поспешил!» — А винт останавливается: «Смотря, садясь, держица на «хорошо!».

Вдруг заблестела трава. Время выравниваться. Плавню тую ручку на себя. Земля посылась под самолетом. Стекла совсем стекла, давление на «ручку» пропало.

Капот как-то быстро зарвался, и колеса заудали в пустотелые колыхал как в бочонке. Я почувствовала, как костяк падает на землю... Зарула на старт и доложила инструктору.

Уврсная тренировка в течение 6 месяцев дала результаты: все фигуры выполняются самостоятельно, и я — летчик.



Перед полетом проверяется каждая деталь.

Цена 50 коп



Матросы с крейсера
"Аврора"
Карт. худ. К. Максимова